А. Мосоловъ

Вокругъ пылающей Москвы

С. Петербургъ
1900

63

8

2

2

Ивану Николаевичу

Дурново

на добрую память

отъ автора

28 Марта
1900 г

А. Маслов

M103088

ВОКРУГЪ ПЫЛАЮЩЕЙ МОСКВЫ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ 1812 ГОДА, ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Основа заимствована изъ повѣсти М. Н. Загоскина: „Рославлевъ").

А. МОСОЛОВА.

Поставлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ на сценѣ Малаго Театра 15 ноября 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1900

№103088

Лен. Госуд. Театральная
БИБЛИОТЕКА
им. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

63

Дозволено цензурою 1 марта 1900 г. С.-Петербургъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Тобурлина, вдова посла, за 50 лѣтъ.

Полина, 22 лѣтъ. } ея дочери.
Ольга, 21 года. }

Князь Радогинъ, отставной полковникъ, двоюродный братъ графини, ея сосѣдъ, за 50 лѣтъ.

Владиміръ Ижорскій, его племянникъ, бывшій гвардеецъ, дипломатъ, 27 лѣтъ.

Св. Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, главнокомандующій, 68 лѣтъ.

Баронъ Л. Л. Бенигсенъ, начальникъ штаба армій 67 лѣтъ.,

А. П. Ермоловъ, начальникъ штаба бывшей 1-ой арміи, 40 лѣтъ.

П. П. Коновницынъ, дежурный генералъ, 46 лѣтъ.

Кушниковъ, ординарецъ Кутузова.

А. Н. Сеславинъ, гусарскій ротмистръ, 33 лѣтъ. } Начальники партизанскихъ отрядовъ.
А. С. Фигнеръ, артиллерійскій капитанъ, 30 лѣтъ. }

Суринъ, отставной бригадиръ, сосѣдъ Тобурлиной и Радогина, за 60 лѣтъ.

Буркинъ, отставной армейскій капитанъ, мелкопомѣстный сосѣдъ князя, подъ 50 лѣтъ.

Августъ Христіановичъ Бухе, врачъ Радогина, обрусѣвшій нѣмецъ, 48 лѣтъ.

Генеральша Архарова, крупная московская барыня, за 60 лѣтъ.

Булгаковъ, молодой дипломатъ изъ Московскаго архива.

Аббатъ де-Монтиньи, французскій эмигрантъ, водворившійся у графини, 45 лѣтъ.

Графъ Лористонъ, генералъ-адъютантъ Императора Наполеона.

Графъ Жозефъ д'Аркуръ, капитанъ французскихъ конно-егерей, 32 лѣтъ.
Савэнъ, французскій капитанъ, 49 лѣтъ.
Михей, слуга Тобурлиныхъ, 46 лѣтъ.
Василій, слуга Ижорскаго, 30 лѣтъ.
Сторожиха.
Капитанъ-Исправникъ.
Штабной подполковникъ.
Казачій офицеръ.
Адъютантъ.
Наполеонъ.
Толь, генералъ-квартирмейстеръ.
Булгакова, модница.
Внучка Архаровой.
Предводитель.
} безъ рѣчей.

Гости, егеря, народъ, офицеры, казаки, пѣсенники, войско, безоружные французы.

Дѣйствіе происходитъ въ 1812 г.

(Съ 7 іюня по 6 ноября).

Дѣйствіе I, картина 1-я—въ подмосковномъ имѣніи князя Радогина. Дѣйствіе II, картина 2-я—въ подмосковной усадьбѣ князя Радогина. Дѣйствіе III, картина 3-я—въ саду усадьбы графини Тобурлиной, картина 4-я—въ церковной сторожкѣ на погостѣ при селѣ Тобурлинѣ, картина 5-я—въ лѣсу подъ Москвой. Дѣйствіе IV, картина 6-я—въ селѣ Тарутинѣ, картина 7-я—въ избѣ Кутузова въ Тарутинѣ. Дѣйствіе V, картина 8-я—въ лѣсу подъ Краснымъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ОХОТА.

Поляна надъ рѣкой съ обрывистымъ берегомъ. Слѣва *) лѣсъ, справа мелкій кустарникъ. За рѣкой возвышенная даль съ большой дорогой, полями, перелѣсками, деревней. На авансценѣ у лѣса раскинутъ открытый шатеръ, въ которомъ слуги и егеря князя Радогина накрываютъ на столъ, разставляя вокругъ складни. Справа у кустарника подъ большимъ дубомъ коверъ съ подушками, на которомъ отдыхаютъ съ охоты князь Радогинъ, Суринъ, Буркинъ и докторъ Бухе. Пжорскій задумчиво сидитъ поодаль на пнѣ. Василій съ подносомъ и бутылкой принимаетъ стаканы. За шатромъ изъ лѣса выглядываютъ деревенскія дѣвушки и дѣти. Ясный іюньскій день.

---

*) Считая отъ зрителя.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Радогинъ, Ижорскій, Суринъ, Буркинъ, Д-ръ Бухе, Василій, слуги, народъ.

КНЯЗЬ [къ Ижорскому, отдавая стаканъ Василію].

Да говорятъ тебѣ, что рано,
Еще затравимъ русака.
Отъ города для ихъ рыдвана
Въ пескахъ дорога не легка.
Пойдутъ покупки да визиты,
Да и всего не перечесть,
А смотришь, три часа убиты.
У барынь вѣчно дѣло есть.

СУРИНЪ [къ Ижорскому].

Имъ путь знакомъ, онѣ съ Михеемъ.

БУРКИНЪ.

Мы полчаса еще имѣемъ;
Князь приказалъ, дадутъ сигналъ,
А егеря укажутъ мѣсто.

КНЯЗЬ.

Чего жъ встрѣчать? Твоя невѣста
Не дивизьонный генералъ.

СУРИНЪ.

Всѣ будемъ безъ тебя не въ духѣ,
И Августъ Христіанычъ Бухе,
Какъ въ прошлый разъ, слетитъ въ оврагъ.

Д-РЪ БУХЕ.

Вы къ нашимъ просьбамъ нынче глухи
И всѣмъ забавамъ стали врагъ.

ИЖОРСКІЙ [съ досадой].

Да какъ же я ихъ здѣсь оставлю?
Устроили вы, право, травлю.
Всѣ на меня, я не русакъ.

[Вставая].

Ну, тронемся.

КНЯЗЬ.

Давно бы такъ.

[Вставая].

Эй, вы! Скликать живѣе свору!
Куда дѣвался стремянной?
Мы станемъ къ самому забору,
Чтобъ вышелъ прямо предо мной!
Да гончимъ не давайте волю,
Придерживай ровнѣй смычки,
Поближе къ паровому полю
Все забирайте отъ рѣки,
Держась лѣвѣй кривой березы.

[Встаютъ, сбираются, охотники спѣшатъ впередъ берегомъ рѣки за лѣсъ].

ИЖОРСКІЙ [Сурину на авансценѣ].

Повѣрь мнѣ, не пустыя грезы,
Не разогнать ничѣмъ тоски.
Сначала шло у насъ такъ гладко,
Такъ ясно было для ума,
Теперь—въ душѣ сомнѣній тьма
И для меня она загадка.
И чѣмъ я чаще вижусь съ ней,
Въ душѣ и въ сердцѣ все мрачнѣй,
Нѣтъ той увѣренности сладкой,
Какъ было прежде.

СУРИНЪ.

Ахъ, мой другъ,
Прошелъ и я чрезъ эти муки.
Любовь особенный недугъ,
Она чувствительнѣй въ разлукѣ
И подозрительна всегда.

КНЯЗЬ.

Да приходите жъ, господа!

ИЖОРСКІЙ.

Идемъ.

[Василію].

Ты здѣсь побудь, Василій,
И встрѣть, пока не будетъ насъ,
Доложишь, если бы спросили,
Что мы воротимся сейчасъ.

[Быстро направляются за остальными].

ЯВЛЕНІЕ II.

Василій, слуги, крестьяне.

ВАСИЛІЙ.

Лови ихъ тамъ въ отъѣзжемъ полѣ!
Какъ понесутся за косымъ,
Ужъ до гостей ли будетъ имъ?
Мы погуляемъ здѣсь на волѣ.
Эй, дѣвки, что бы хороводъ?
Кто хочетъ пряниковъ медовыхъ
И въ праздникъ щеголять въ обновахъ,
Пускай становится, поетъ.

[За лѣсомъ раздаются звуки охотничьихъ сборныхъ рожковъ дѣвушки робко собираются и, двигаясь хороводомъ, затягиваютъ пѣсню «Заплетися, плетень». Лакеи обступаютъ ихъ. Въ концѣ пѣнія разлается за кустами сигнальный рожокъ, хороводъ разсыпается, Василій быстро направляется къ дорогѣ, ведущей изъ кустарника, откуда вслѣдъ затѣмъ выходятъ: графиня Тобурлина, опираясь на руку аббата, за ними Полина и Ольга, Василій и выѣздной Михей].

ЯВЛЕНІЕ III.

Графиня, Полина, Ольга, Аббатъ, Василій, Михей.

ГРАФИНЯ [оглядывая мѣстность въ лорнетъ].

Что жъ? Подождемъ. Здѣсь такъ красиво
И привлекательно вокругъ.
Крутой обрывъ съ плакучей ивой

И рѣчка пѣнится игриво.
Удачно выбранъ этотъ лугъ
Въ тѣни деревъ съ широкой далью.

ПОЛИНА [отходя съ Ольгой къ ковру].

Что ты набросилася вдругъ
Съ своей непрошеной моралью?

ГРАФИНЯ [Аббату].

Вы не устали, добрый другъ?

АББАТЪ.

О, нѣтъ, графиня.

ГРАФИНЯ [къ дочерямъ].

Такъ немного
Пройдемся въ лѣсъ на встрѣчу имъ...
[Удаляются].

ОЛЬГА.

А мы подъ дубомъ посидимъ.
[Усаживаются на коврѣ].
Полина, не гляди такъ строго,
Я все тревожилась дорогой
За твой злосчастный медальонъ.
Брось, здѣсь ему совсѣмъ не мѣсто
При встрѣчѣ жениха съ невѣстой.

ПОЛИНА [снимая медальонъ на черной бархаткѣ].

Когда тебя смущаетъ онъ,
Возьми и спрячь его подалѣ.
Иныя у меня печали!

ОЛЬГА.

Ты ждешь, не будетъ ли войны?

ПОЛИНА.

Хотя бъ и такъ? Вѣдь не напрасно:
Всѣ ожиданіемъ полны.

ОЛЬГА.

Тебя Ижорскій любитъ страстно,
А ты его не бережешь.
Живя безумными мечтами,
Играешь счастіемъ, и что жъ?
Себѣ своими же руками
Ты въ рану вкладываешь ножъ.
Жозефъ чужой, въ странѣ далекой,
Давно женатъ. Пойми сама,—
Довольно у тебя ума,—
Что эти чувства—бредъ глубокій.
Владиміръ нравился тебѣ
И ты сама мнѣ говорила,
Что не противилась судьбѣ,
Когда согласье изъявила...

ПОЛИНА.

Конечно, слово ужъ дано,
Назадъ идти мнѣ невозможно.
Все это вѣрно, непреложно,
Д'Аркуръ чужой намъ... Все равно:
Онъ былъ всегда моимъ героемъ,
Жить безъ него—одна печаль,
А, вѣдь, съ Владиміромъ едва ль
Не на пескѣ мы зданье строимъ?
Мечта! Но какъ мечту унять?
Не повторилась бы опять?
Грядущее отъ насъ сокрыто.
Что, еслибъ вдругъ... Сама рѣши:
Все счастье было бы разбито!

ОЛЬГА.

Опомнись, Поля, не грѣши!
Одна игра воображенья.

ПОЛИНА.

Нѣтъ, Оленька, прости сомнѣнье.
Въ твоихъ словахъ слышна любовь
И счастья прежняго утрата
Еще твою волнуетъ кровь.

ОЛЬГА.

Я съ дѣтства видѣла въ немъ брата,
А онъ любилъ меня всегда,

Какъ любятъ въ юные года,
Порывисто и шаловливо.
Во мнѣ воспоминанье живо,
Но въ будущемъ, какъ и теперь,
Всегда твоимъ жить буду счастьемъ,
Твоею радостью.

ПОЛИНА.

Повѣрь,
Нельзя прожить однимъ участьемъ.

ОЛЬГА.

Не всѣмъ открыта къ счастью дверь,
Не всѣ такъ смотрятъ горделиво.

ПОЛИНА.

Но быть съ Владиміромъ счастливой
Могла бы только ты одна...

ОЛЬГА.

И мнѣ казалось это прежде.

ПОЛИНА.

Я помню, въ дѣтскіе года
Ты предавалася надеждѣ.

ОЛЬГА.

Не отрицаю, иногда;
Но только послѣ возвращенья,

Когда онъ поселился здѣсь,
Онъ мнѣ не дѣлалъ предложенья,
Тобой одною занятъ весь.

ПОЛИНА.

Отъ этого мнѣ только хуже.
Онъ сталъ такъ скоро женихомъ,
Вы такъ сіяли всѣ кругомъ,
Что незамѣтно мы потомъ
Все петлю стягивали туже,
А день насталъ, близка гроза...
Скажи ему, открой глаза...

ОЛЬГА [быстро вставая].

Опомнись, Поля. Не могу же,
Себя нисколько не цѣня,
Найти предлогъ или причину
Сказать ему: люби меня
И разлюби свою Полину.
Подумай, онъ всего вѣрнѣй
Отвѣтитъ глупости подобной
Презрѣньемъ или шуткой злобной
И только станетъ холоднѣй.

[Графиня приближается съ Аббатомъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, **Графиня, Аббатъ,** затѣмъ **Ижорскій,** послѣ **Князь, Суринъ, Буркинъ, д-ръ Бухе.**

ГРАФИНЯ.

О чемъ у васъ тутъ разговоры?

ПОЛИНА.

Мы съ Олей споримъ о цвѣтахъ.

АББАТЪ.

Съ Помоной вышелъ споръ у Флоры
Съ улыбкой грацій на устахъ.
[За лѣсомъ трубятъ въ рога].

ГРАФИНЯ.

Трубятъ въ рога. Теперь ужъ скоро
Все, вѣрно, кончится у нихъ?
[Отъ рѣки вбѣгаетъ Ижорскій].
А вотъ и онъ, хорошъ женихъ!
Хотѣлъ насъ у деревни встрѣтить?

ИЖОРСКІЙ [цѣлуя руку графини].

Простите, дядя виноватъ,
Но я готовъ за всѣхъ отвѣтить.
Съ утра у насъ не шло на ладъ,
Но отъ послѣдняго загона,
Какъ отъ побѣдъ Наполеона,
Въ восторгѣ всѣ, и дядя радъ.

КНЯЗЬ [появляясь съ остальными].

А вотъ и милая кузина,
Спасибо. Оленька, Полина!
И вы здѣсь, дорогой Аббатъ?
Благополучно ли въ дорогѣ?

ГРАФИНЯ.

Сюда подъемы не отлоги,
Все въ гору, точно на Парнасъ,
Въ пескѣ пробились добрый часъ.

КНЯЗЬ.

Не будьте такъ ужъ слишкомъ строги,
Вѣдь и въ Тобурлинѣ у васъ,
Признайтесь, милая кузина,
Изрядная таки трясина,
Въ которой вязли мы не разъ.

ГРАФИНЯ.

Да, ужъ мосты у насъ и гати!
Какъ разъ пути для русской знати:
Чего ей только не дано?
Но жить кой-какъ, намъ все равно.

КНЯЗЬ [замѣтивъ стремянного].

Ну, стремянной, давай живѣе.
Угодно ль посмотрѣть трофеи?
[Всѣ любуются зайцемъ и лисицей].
Да нынче неудачный годъ.

ГРАФИНЯ.

Удачно лугъ ты выбралъ сборный.

КНЯЗЬ.

А вамъ, свершивъ такой походъ,
Пора за столъ. Прошу покорно.

[Всѣ направляются, бесѣдуя, къ шатру].

ОЛЬГА [задерживаясь на авансценѣ и обращаясь къ Сурину].

Исполнивъ свято долгъ сестры,
Я въ тайнѣ медленно сгараю...
Исчезло счастье съ той поры,
Когда отецъ нашъ, умирая,
Въ послѣдній разъ держалъ намъ рѣчь,
Прося Полину поберечь.
Какъ чаша полная до края,
Такъ сердце горечи полно,
А пропасть передъ нимъ все шире.
И чувствую уже давно,
Что становлюся лишней въ мірѣ.

[Усаживаются: посрединѣ Графиня, справа Князь, Полина, Ижорскій, слѣва Суринъ, Ольга, Аббатъ, по концамъ Буркинъ и д-ръ Бухе].

ГРАФИНЯ [къ Сурину].

Давно васъ не видала я.
Что Софья Дмитревна? здорова ль?

СУРИНЪ.

Старуха вѣрная моя
По васъ соскучилася вдоволь.
Хлопочетъ лѣтнею порой
И, хоть едва волочитъ ноги,
Порядокъ въ домѣ держитъ строгій,
А о Петрѣ—не за горой,
Какъ разъ за третье воскресенье—
Справляемъ праздникъ храмовой,
Шьемъ воздухи, варимъ варенье.
Да съ сахаромъ хоть волкомъ вой:
Мы покупаемъ головой,
А ужъ доходитъ до полтины,—
Такъ дорожаетъ все съ весны.

КНЯЗЬ.

Повѣрь мнѣ, нѣтъ другой причины,
Какъ ожиданіе войны.

СУРИНЪ.

Не то, что въ вѣкъ Екатерины,
На патокѣ варили мы.

БУРКИНЪ.

И даже на соку медовомъ.
Теперь пошло все въ духѣ новомъ.

Д-РЪ БУХЕ.

Но просвѣтилися умы.

БУРКИНЪ.

У насъ намедни отъ лучины
Всю ночь свѣтилося село.
Начальство ищетъ все причины,
Пожары—вотъ гдѣ наше зло.

КНЯЗЬ.

Всегда виднѣе то, что ближе,
Бываетъ это и въ Парижѣ,
Графиня знаетъ лучше всѣхъ,
Не мало было ей печали.
И гдѣ же? На посольскомъ балѣ
Случился этотъ самый грѣхъ.

ГРАФИНЯ.

Да, благъ Господь, спасъ отъ удара!
Когда бъ Полину изъ пожара
Д'Аркуръ не вынесъ на рукахъ,
Что было бы, подумать страхъ!

КНЯЗЬ.

Большое счастье, всѣ подъ Богомъ.
Недурно бъ написать романъ.

ГРАФИНЯ.

Когда такой родится планъ,
На грѣхъ, въ умѣ твоемъ убогомъ,
Скорѣй бы онъ въ архивъ былъ сданъ...

Гос. Центральная
библиотека
им. А. В. Луначарского

КНЯЗЬ.

Когда бы обладалъ я слогомъ,
Какъ Озеровъ иль Карамзинъ...

ГРАФИНЯ.

Вашъ Озеровъ далеко не Расинъ.
Его стихи какъ рубленая проза,
Въ герояхъ чувства нѣтъ, все поза.

КНЯЗЬ.

Вы строги къ русскимъ людямъ страхъ...

ГРАФИНЯ.

Не осудите за признанье;
Но если бъ наше пребыванье
Во Франціи, въ Парижѣ, на водахъ
Не колебало состоянья,
Не отражалось на дѣлахъ,
Не стала бы я жить, навѣрно,
Въ болотахъ здѣшнихъ и лѣсахъ,
Гдѣ климатъ дѣйствуетъ такъ скверно,
Гдѣ все прискучило въ конецъ.
[Кивая на дочерей].
Иное дѣло ихъ отецъ,
Любилъ онъ русскія трущобы.

КНЯЗЬ.

И говорилъ о нихъ безъ злобы.

СУРИНЪ.

Да, и посломъ въ чужихъ краяхъ
Покойный графъ въ своихъ мечтахъ
Стремился все къ завѣтной цѣли
Окончить дни въ родныхъ мѣстахъ.

КНЯЗЬ.

Его понять мы не умѣли!
А я хорошъ, забылъ о дѣлѣ.
Примѣрно черезъ двѣ недѣли
Сосѣди съѣдутся ко мнѣ,
Какъ принято по старинѣ,
И губернаторъ вѣроятно.
Мнѣ очень было бы пріятно
Васъ видѣть въ нашей сторонѣ,
А васъ, племянницы съ кузиной,
Въ пріемѣ мнѣ прошу помочь
И быть хозяйками гостиной.
Надѣюсь, проведете ночь,
А то устанете въ дорогѣ.
И васъ, аббатъ де-Монтиньи,
Какъ друга вѣрнаго семьи,
Мы будемъ ожидать въ Радогѣ.
Съ уѣзда будутъ все свои.

ГРАФИНЯ.

Спасибо, милый, за вниманье.
Пріѣдемъ.

КНЯЗЬ.

Было бы желанье.
Я счастливъ принимать гостей,
Почаще бъ только наѣзжали.

СУРИНЪ [къ Аббату].

Не мало разныхъ новостей
Вы нынче въ городѣ узнали?

АББАТЪ.

Все разговоры о войнѣ,
И въ письмахъ то жъ. Вчера, не далѣ,
Изъ Полоцка писали мнѣ;
Жозефъ де-Местръ въ большомъ смущеньи,
Онъ вамъ, графиня, шлетъ почтенье.

ГРАФИНЯ.

Ну что жъ? Мы будемъ въ сторонѣ:
Все кончатъ въ нѣсколько баталій...

ИЖОРСКІЙ.

Ну, нѣтъ. На этотъ разъ едва ли?
То будетъ грозная война,
Въ Россію наглое вторженье.
Какъ знать, чѣмъ кончится она,
Когда народъ придетъ въ движенье?

ПОЛИНА.

Народъ не борется нигдѣ.

ИЖОРСКІЙ.

Все извинительно въ нуждѣ.

ПОЛИНА.

Но возбуждать его безбожно
И злобой не помочь бѣдѣ...

ИЖОРСКІЙ.

Въ дни бѣдъ народныхъ все возможно.

СУРИНЪ.

Вѣдь, не мириться жъ намъ опять?

ГРАФИНЯ.

Французы такъ дерутся смѣло,
Что противъ нихъ не устоять
Не только намъ, Европѣ цѣлой.

КНЯЗЬ.

Такъ разсуждать для русской грѣхъ.

ГРАФИНЯ.

Какой же можетъ быть успѣхъ,
Когда у нихъ несмѣтны силы?

ИЖОРСКІЙ.

Россія велика. Для всѣхъ
Враговъ найдутся въ ней могилы.

КНЯЗЬ.

Такъ, такъ, Владиміръ. Молодецъ!

ГРАФИНЯ [строго взглянувъ на Князя].

Когда же этому конецъ?
Пора вамъ сдѣлаться умнѣе
И, бросивъ праздныя затѣи,
Европу взять за образецъ.

[Ольга приподымается].

СУРИНЪ.

Вамъ худо, Ольга?

ОЛЬГА.

Да, усталость
Я нынче чувствую съ утра
Дорогою была жара.

КНЯЗЬ [съ участіемъ].

Неможется? Какая жалость!

[Всѣ встаютъ].

ГРАФИНЯ.

Намъ и домой уже пора.
Чуть не съ зари мы въ тоалетѣ

Исколесили весь уѣздъ,
Чтобъ сдѣлать къ вамъ сюда заѣздъ,
И духота была въ каретѣ.
Распорядись поди, Михей,
Чтобъ подавали лошадей.

[Буркинъ вскакиваетъ и удаляется].

ИЖОРСКІЙ.

Неужели? Еще не поздно.

Д-РЪ БУХЕ [тихо].

Графинѣ лучше бы домой,
Чтобъ не нажить бѣды серьезной.

КНЯЗЬ.

Разстроился весь праздникъ мой.
Что дѣлать? Доктору виднѣе,
Къ рѣкѣ! Тамъ дышется вольнѣе.

[Уводя Ольгу въ глубину].

На берегу трава густа,
Ужъ скоро время сѣнокоса...

ПОЛИНА [Ижорскому, выходя на авансцену и надѣвая перчатку].

Рѣшенье этого вопроса
Отложимъ до конца поста.

ИЖОРСКІЙ.

Не говори мнѣ такъ, Полина,
Не искушай мою любовь!
Вѣдь что ни день, у насъ все вновь
Къ отсрочкѣ странная причина.
Вполнѣ свободны мы теперь,
Изнемогаю я. Повѣрь,
Мнѣ даже кажется порою,
Что вмѣсто прежней простоты,
Ты измѣнилася со мною,
Не такъ меня ужъ любишь ты?

ПОЛИНА.

О нѣтъ, напрасно, будь покоенъ.
Любви и счастья ты достоинъ,
Но мнѣ не вѣрится въ себя...

ИЖОРСКІЙ.

Нѣтъ, такъ не думаютъ, любя!..

ПОЛИНА.

Бываютъ и въ тебѣ сомнѣнья.

ИЖОРСКІЙ.

Въ моей любви? Нѣтъ, никогда!

ПОЛИНА.

Откуда же твои волненья?

ИЖОРСКІЙ.

Но ты не говоришь мнѣ: да.
Скорѣй насталъ бы день желанный!

ПОЛИНА.

Сегодня ты какой-то странный.

ИЖОРСКІЙ.

Я страненъ? Нѣтъ. Въ душѣ твоей
Все что-то новое читая,
Невольно становлюсь грустнѣй.

ПОЛИНА.

Все подозрительность пустая!
Скажи, чего желалъ бы ты?

ИЖОРСКІЙ.

Ахъ, хороши мои мечты,
Но только при одномъ условьи:
Съ твоей довѣрчивой любовью
Я предаюсь чудеснымъ снамъ.
Полгода мы живемъ въ Радогѣ,
Въ Москвѣ бываемъ по зимамъ—
У дяди домъ хорошій тамъ.
А можетъ быть,—какъ знать?—въ дорогѣ,
Подальше отъ досужихъ глазъ
Отраднѣй будетъ жизнь для насъ...
Подъ голубыми небесами

Полнѣй сольемся мы сердцами.
Мы будемъ вмѣстѣ посѣщать
Мѣста твоихъ воспоминаній.

ПОЛИНА.

Ахъ, хорошо бы;

[въ сторону].

Но какъ знать,
Для радости иль для страданій?

ИЖОРСКІЙ.

И такъ ужъ, въ случаѣ войны,
Разстаться будемъ мы должны...

КНЯЗЬ [Ижорскому].

Ну, собирайся, провожатый,
Да береги ихъ по пути.

СУРИНЪ.

Тутъ мостъ довольно плоховатый,
Не лучше ли пѣшкомъ пройти?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я за мостъ вполнѣ спокоенъ:
По моему же плану строенъ.

БУРКИНЪ [появляясь].

Графиня, лошадей впрягли.
Жаль, что остаться не могли,
Но ѣхать будетъ вамъ прохладно.

ГРАФИНЯ.

Что дѣлать? Мнѣ самой досадно,
Что мы разстроили вашъ пиръ.
Пожалуйста, безъ провожанья.

[Сурину].

Поклонъ супругѣ, бригадиръ,

[Князю].

И такъ, до скораго свиданья.

КНЯЗЬ [обнимая Полину].

Будь веселѣе, нашъ кумиръ.

[Всѣ провожаютъ и вскорѣ возвращаются].

ЯВЛЕНІЕ V.

[**Князь, Буркинъ** и **Бухе** усаживаются къ столу, а **Суринъ** подходитъ къ рѣкѣ и достаетъ изъ задняго кармана платокъ].

КНЯЗЬ.

Вотъ и разстроилось веселье.
Бургонскаго подайте намъ,
Люблю я крѣпко это зелье.

Д-РЪ БУХЕ.

Съ водой бы лучше пополамъ,
Чтобъ не дожить до приключенья.

*

КНЯЗЬ.

Твоя наука—дребедень,
У Бонапарта положенье
Бутылка шамбертэня въ день,—
Такъ не давай ты мнѣ совѣта.

БУРКИНЪ.

Бѣда связаться съ женихомъ,
Онъ не товарищъ намъ на лѣто.

КНЯЗЬ.

Все перемелется потомъ,
Но только выборъ неудачный,
Онъ сдѣлался какой-то мрачный.

БУРКИНЪ.

А Полинька такъ хороша...
Глаза большіе съ поволокой.

[Слышенъ грохотъ экипажа, въѣзжающаго на мостъ, Суринъ машетъ платкомъ].

КНЯЗЬ.

Да, только кроется глубоко
Въ ней непонятная душа,
А въ Оленькѣ такъ много сердца...

СУРИНЪ [въ ужасѣ].

Что это? Растворилась дверца.
Сюда! зовите весь народъ!
Бѣдняжку понесло теченье...

[Сбрасываетъ сюртукъ, бѣжитъ за кустарникъ, слышенъ плескъ воды].

КНЯЗЬ.

О, Господи, вотъ приключенье!
Да тамъ въ рѣкѣ водоворотъ.

[Быстро удаляется съ остальными и прислугой къ мосту, дѣвушки и мальчишки покрываютъ весь берегъ, мечутся и поднимаютъ визгъ].

ДѢВУШКА.

Его съ конемъ всосетъ пучиной...
Гляди, схватилася за сукъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Не доплыветъ, затянетъ въ кругъ,
Не видно морды лошадиной.

ДѢВУШКА.

Нѣтъ, держится, рванулся вдругъ,
Схватилъ и поплылъ серединой...

МАЛЬЧИКЪ.

Василій тащитъ старика.

ДѢВУШКА.

Ужъ эта скверная рѣка!
Да что ему? Онъ парень ражій.

[Д-ръ Бухе вбѣгаетъ за ящикомъ съ аптечкой и, схвативъ его, подходитъ къ ковру, на который приносятъ Ольгу. Несутъ ее Князь, Буркинъ, Ижорскій, Михей, Аббатъ. Сурина, едва передвигающаго ноги, усаживаютъ около стола Василій и слуги].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и всѣ остальные.

ГРАФИНЯ [указываетъ на Сурина].

Его совѣтъ былъ очень простъ.
Нельзя въ удобномъ экипажѣ
Переѣзжать подобный мостъ.

КНЯЗЬ.

При чемъ тутъ мостъ, когда причиной
Несчастья, очевидно, вашъ,
Съ давно испорченой пружиной,
Парижскій модный экипажъ?

ГРАФИНЯ [Ижорскому, который встаетъ].

О, какъ бы я расцѣловала
Васъ, паладина нашихъ дней!

ПОЛИНА [ему же].

Какъ я за Ольгу трепетала,
Когда ты бросился за ней!

ИЖОРСКІЙ.

Ты говоришь такъ хладнокровно?

Д-РЪ БУХЕ [прикладывая ухо къ сердцу Ольги].

Удары рѣже и яснѣй,
Дыханье сдѣлалося ровно.

КНЯЗЬ [обнимая Сурина].

И ты со всѣхъ пустился ногъ,
Забывъ свои большія лѣта?
Ну, старина, отпей глотокъ,
Другой—тебѣ поможетъ это.

[Къ Ижорскому].

Владиміръ, ты совсѣмъ промокъ?
Что, докторъ?

Д-РЪ БУХЕ.

Все идетъ не дурно.

КНЯЗЬ.

Ну, кто бы, право, думать могъ,
Что день окончится такъ бурно?

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ПАРАДНЫЙ ОБѢДЪ.

21 іюня 1812 г.

Богатая гостиная въ подмосковномъ имѣніи князя Радогина, отдѣленная въ глубинѣ колоннадой отъ галлереи, въ которой справа и слѣва накрыты обѣденные столы. Въ глубинѣ галлереи полукружіе съ эстрадой для музыкантовъ и пѣвчихъ. Передъ нею, между колоннами большой бюстъ Екатерины Великой, съ крупною на постаментѣ надписью: «Премудрой». Съ обѣихъ сторонъ гостиной, ближе къ галлереѣ, по двери, а ближе къ сценѣ по окну. Между ними портреты царицъ XVIII столѣтія. Въ галлереѣ видны поясные портреты въ парикахъ. Слуги суетятся вокругъ стола, музыканты проходятъ на эстраду. Князь Радогинъ въ жабо, чулкахъ и башмакахъ, имѣя поверхъ шелковую домашнюю куртку, обходитъ комнаты съ Суринымъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь, Суринъ.

КНЯЗЬ.

Поди, возись теперь съ уѣздомъ,
Минутки не дадутъ вздохнуть.
Самъ губернаторъ къ намъ проѣздомъ...

СУРИНЪ.

Да, вѣдь, и ты не кто-нибудь,
А человѣкъ большого круга?

КНЯЗЬ.

Я не волнуюся ничуть.
Что намъ еще учить другъ друга?
Скажи мнѣ: какъ дѣла у нихъ,
На чемъ покончилъ нашъ женихъ,
На ладъ пошло иль такъ же туго?

СУРИНЪ.

Вечóръ къ себѣ вернулся хмуръ
И говорилъ пребезтолково;
Ужъ какъ-то скоро черезчуръ
Онъ повернулъ все дѣло снова:
Вѣнчаться около Ильи,
Чтобъ были лишь одни свои,
Въ уединеньи, на свободѣ.
Таковъ ихъ нынѣшній уставъ.

КНЯЗЬ.

Какъ видѣнъ материнскій нравъ.
Все фанаберія, по модѣ.
Нѣтъ, встарь вѣнчались при народѣ,
Отъ православныхъ не таясь.

СУРИНЪ.

Былого не воротишь, князь!

КНЯЗЬ.

О прошломъ я и не тоскую;
Но я любви не вижу тутъ.
По моему, любовь такую
Хорошей партіей зовутъ.
Ужъ нѣтъ ли у нея зазнобы?

СУРИНЪ.

И это можетъ быть. Но кто бы?

КНЯЗЬ [таинственно].

Ужъ не французское ль зерно
Сюда заброшено давно?
Не даромъ столько лѣтъ кузина,
Любовь къ родному заглуша,
Шаталась тамъ — вотъ гдѣ причина,
Что въ ней не русская душа.
Не мало будетъ съ ней печали!

[Входитъ Ижорскій].

———

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, **Ижорскій.**

ИЖОРСКІЙ.

День добрый, дядюшка. Съ утра
Вы въ хлопотахъ. А я вчера
Легъ поздно. Вы ужъ почивали.

КНЯЗЬ.

Владиміръ, здраствуй, мой родной,
[обнимаетъ его].
Ты блѣденъ? Съ болью головной?

ИЖОРСКІЙ [здороваясь съ Суринымъ].

Я нынче какъ-то спалъ тревожно.

КНЯЗЬ.

Не бережешь себя. Какъ можно?
А другъ твой?

ИЖОРСКІЙ.

Спитъ крѣпчайшимъ сномъ.
Всю ночь игралъ онъ у сосѣда,
У Буркина въ его Лѣсномъ,
Но вѣрно выйдетъ до обѣда.

КНЯЗЬ.

Люблю. И умный, и лихой,
Видать, самъ чортъ ему не страшенъ,

*

Весь орденами изукрашенъ,
Да и рубака не плохой.
Онъ скоро къ арміи?

ИЖОРСКІЙ.

Сегодня.

КНЯЗЬ.

Вотъ какъ! Ну, буди власть Господня.
Какъ знать, когда пріидетъ часъ?
Быть можетъ и минуетъ насъ.

[Къ Сурину].

Ты присмотри немножко, Суринъ,
Чтобы не вышло кое-какъ.
Пора облечься мнѣ во фракъ.
Надѣюсь, нашъ пріемъ не дуренъ?

[Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Ижорскій, Суринъ, потомъ **Аббатъ, Князь, Сеславинъ.**

ИЖОРСКІЙ.

Послушай, въ нынѣшнюю ночь
И за твоимъ уходомъ вскорѣ
Нагрянуло такое горе
Которому ужъ не помочь.

СУРИНЪ.

Опять любовные куплеты?

ИЖОРСКІЙ.

У насъ война! Все рѣшено.

СУРИНЪ.

Откуда же ты знаешь это?

ИЖОРСКІЙ.

Денисъ мнѣ пишетъ съ эстафетой.
Они ужъ вторглись.

[Подавая письмо].

Вотъ оно.
Прошу тебя про эти вѣсти,
Чтобъ не испортить весь пріемъ,
Ни слова дядѣ, а потомъ,—
Съ Сеславинымъ рѣшили вмѣстѣ,
Все скажемъ; такъ же и невѣстѣ.

СУРИНЪ [читаетъ].

«Пишу съ бивака. Да, война.
И началась безъ вызова она.
Кончай съ женитьбою, Володя.
Не надо лишняго въ походѣ,
Возьми лишь добраго коня,
Чтобъ не боялся онъ огня.

Барклай, хотя и противъ правилъ,
Тебѣ ваканцію оставилъ.
Ворвались, кто бы думать могъ?
Ихъ силы противъ нашихъ втрое,
Но твердостью въ народномъ строѣ
Мы побѣдимъ. Великъ нашъ Богъ!
Володя, сдѣлай одолженье,
Причислись къ партіи моей».

[Аббатъ, проходя галлереей и замѣтивъ чтеніе, осторожно выступаетъ у колоннъ].

«Я былъ ужъ въ маленькомъ сраженьи
Съ разъѣздомъ конныхъ егерей.
Мы взяли въ плѣнъ ихъ капитана:
Случайно мною онъ спасенъ
Отъ казаковъ. Когда бъ не рана,
Навѣрное не сдался бъ онъ,
Не перенесъ бы онъ позора.
Мы съ нимъ сошлися очень скоро,
Изъ симпатичныхъ онъ натуръ,
Ты, вѣрно, слышалъ: графъ д'Аркуръ,
Любимецъ короля Мюрата,
Вдовецъ, женатъ былъ на богатой,
Въ Парижѣ зналъ твоихъ когда-то,
И такъ какъ это galant homme,
То я снабдилъ его письмомъ
Къ Ростопчину. Пускай устроитъ
И помѣститъ въ хорошій домъ.
Подробностей писать не стоитъ,

Поторопись—увидишь самъ.
Мы отступаемъ — стыдъ и срамъ».

[Отдаетъ письмо. Ижорскій прячетъ. Минута молчанія. Аббатъ тихо проходитъ далѣе].

На все его святая воля!

ИЖОРСКІЙ.

Но какъ же быть? Что скажетъ Поля?
Всего осталось десять дней,
Пока сберусь, пока прошенье,
Вѣдь не въ пути вѣнчаться съ ней?
А ждать такъ долго, вотъ мученье!

СУРИНЪ [про себя].

Бываютъ муки поважнѣй.

[Князь и Сеславинъ входятъ съ разныхъ сторонъ].

КНЯЗЬ.

А вотъ нашъ дорогой Сеславинъ,
Во всей красѣ, всегда исправенъ.

СЕСЛАВИНЪ [здороваясь].

Являюсь къ вамъ ужъ на пути.
Отрадно съ добрыми друзьями
За чашей время провести,
Дѣлясь послѣдними часами,
Когда ужъ поданъ тарантасъ.
Пожмешь послѣдній разъ имъ руку
И ужъ на долгую разлуку!

СУРІНЪ.

Что дѣлать? Лишь бы въ добрый часъ.

СЕСЛАВИНЪ.

Скорѣй добраться бы до мѣста.

[Входятъ: Графиня, Полина, Ольга и Аббатъ].

КНЯЗЬ.

А вотъ съ графиней и невѣста.
Какъ почивали вы у насъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, **Графиня, Полина, Ольга, Аббатъ,** за ними **Архарова съ внучкой, Буркинъ, д-ръ Бухе, Булгаковы, Предводитель** и др. гости.

[Общія привѣтствія, Графиня усаживается].

ГРАФИНЯ.

Благодаря твоимъ палатамъ,
Здѣсь и удобство, и покой.
Почти все утро въ угловой
Мы провели вдвоемъ съ аббатомъ.
Я пользуюсь, пока онъ свой
И не унесъ къ роднымъ пенатамъ
Всю прелесть своего ума.

[Изъ галлерей появляются домашніе гости: Буркинъ, Бухе и ихъ дамы съ прочими].

СУРИНЪ [Князю].

Вотъ и Архарова сама.

[Движеніе. Князь и Ижорскій идутъ встрѣчать, Графиню окружаютъ гости. Полина отходитъ съ Аббатомъ].

КНЯЗЬ.

Ну, эта ужъ безъ всякой фальши,
Идемъ на встрѣчу генеральшѣ.

[Ожиданіе].

АББАТЪ [быстро Полинѣ].

Не будемъ тратить лишнихъ словъ.
Мужайтесь. Дѣло неотложно.
Д'Аркуръ въ Россіи, онъ ужъ вдовъ
И не забылъ васъ; все возможно.

ПОЛИНА.

Вы шутите?

АББАТЪ.

Я не таковъ,
И это было бъ слишкомъ гадко.

ПОЛИНА.

Зачѣмъ же говорить загадкой?

АББАТЪ.

Пока вопросъ не разъясненъ.

[Быстро отходитъ].

АРХАРОВА [за нею внучка].

Ну, ужъ сюда тащиться въ гору!
Отъ Бурцевыхъ тебѣ поклонъ.
Мы у Нарышкиныхъ гостили о сю пору,
Рожденіе справляли десять денъ.
Чего тамъ нѣтъ, какого вздору!
Въ саду для танцевъ павильонъ,
И плясъ, и фейверки, и пѣнье,
И на пруду горящій флотъ,
А въ паркѣ цѣлый новый гротъ,
Въ которомъ было угощенье.
Повеселили весь народъ!

[Обнимаетъ графиню. Усаживается].

Тебѣ, графинюшка, я рада.
По прежнему ты молодцомъ.

ГРАФИНЯ.

Ахъ, красоты мнѣ ужъ не надо
И некого плѣнять лицомъ.

АРХАРОВА.

И правда. Дочери, вѣдь, тоже
Куда какъ у тебя пригожи.

[Барышни присѣдаютъ и расходятся].

Скорѣй бы видѣть подъ вѣнцомъ.

[Наклоняясь къ графинѣ].

Которая изъ нихъ топилась?

ГРАФИНЯ.

Ахъ, что вы? Кто-жъ вамъ говорилъ?
Изъ дверцы черезъ мостъ свалилась,
А мостъ былъ узкій, безъ перилъ.

АРХАРОВА.

Оказія! Скажи на милость!
Ну, все равно. Гдѣ-жъ разбирать?
Тебѣ, конечно, лучше знать.
А свадьба скоро ли?

ГРАФИНЯ.

Покуда
Ничто еще не рѣшено.

АРХАРОВА.

Все въ долгій ящикъ. Это худо.
Уже посватаны давно.

[Графиня идетъ встрѣчать другихъ гостей. Князь подводитъ Сеславина].

Не изъ турецкаго ль похода
Ты погостить пріѣхалъ къ намъ?

СЕСЛАВИНЪ.

Въ деревнѣ подышать свободой
И снова къ боевымъ полкамъ.

*

АРХАРОВА.

Желаю отъ души успѣха.
Знавала твоего отца
При Павлѣ. Схожи вы съ лица,
И для такого храбреца
Мундиръ гусарскій не помѣха.

[На смѣну подходитъ Ижорскій и цѣлуетъ руку].

Что, женишься и на покой?
Раненько службу ты оставилъ.

ИЖОРСКІЙ.

Разставшись съ службой боевой,
Не измѣнилъ я прежнихъ правилъ,
Когда война, я снова въ строй.

[Понемногу отходитъ].

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, матушка, Владиміръ мой
Хотя себя и не прославилъ,
Но съ честью служитъ и сейчасъ.
Онъ былъ во множествѣ баталій,
А въ шведскую войну, слыхали
Какъ отличился онъ у насъ?
Душой и сердцемъ льнетъ къ солдатамъ,
Да раны причиняли боль
И приписался къ дипломатамъ:
Служилъ въ Неаполѣ. Оттоль,

Когда былъ прогнанъ ихъ король,
Отправленъ въ Петербургъ курьеромъ
И жилъ галантнымъ кавалеромъ.
А чтобъ не сдѣлался лѣнивъ,
Переведенъ въ Москву, въ Архивъ.
Три ордена имѣетъ даже,
Мы хлопотали не одни,
Вѣдь Салтыковы намъ сродни.

АРХАРОВА.

Безъ покровителя нельзя же?
Да и нигдѣ безъ нихъ, повѣрь,
Не влѣзешь ни въ какую дверь.

КНЯЗЬ.

Я звалъ сюда. Что жить безъ дѣла?
Мнѣ заниматься уже лѣнь.
Я Гурьеву писалъ. Не купятъ ли въ Удѣлы?
Продать бы нѣсколько изъ дальнихъ деревень.
Возиться съ мелочью обидно,
Здѣсь купимъ. Что ни говори,
Владиміръ мой женихъ завидный,
Душъ тысча у него, да у меня ихъ три,
Такъ выйти за него не стыдно.

[Слегка наклоняясь, лукаво].

А, вѣдь, графинюшка въ долгахъ,
Перезаложена въ Совѣтѣ
И нѣтъ наслѣдства на примѣтѣ,
А погляди — кичится страхъ.

АРХАРОВА.

За это ей ужъ быть въ отвѣтѣ.

[Гости прибываютъ].

КНЯЗЬ.

Дозвольте мнѣ представить вамъ,
Нашъ предводитель.

АРХАРОВА.

Видѣть рада,
Ужъ мы встрѣчались по зимамъ,—
Дворянъ мнѣ называть не надо.

КНЯЗЬ [идя на встрѣчу].

Вотъ и Булгаковъ молодой
Съ своей красавицей женой.
Ну, что же наши дипломаты?

БУЛГАКОВЪ.

Мы такъ недавно, вѣдь, женаты,
Что намъ все кажетъ новизной,
А новостями не богаты.

КНЯЗЬ.

Вамъ тайна всякая ясна.
У насъ не миръ и не война,
Который годъ живемъ въ тревогѣ,

Ни то, ни се, а Бонапартъ
Своихъ не открываетъ картъ!
Кому же выгода въ итогѣ?

БУЛГАКОВЪ.

Кто приготовится умнѣй.

АББАТЪ.

Святой отецъ помогъ бы тоже
Вамъ медіаціей своей.

КНЯЗЬ.

Намъ съ Папою дружить не гоже.

СУРИНЪ.

Въ худое время мы живемъ,
Сперанскій сосланъ за измѣну.

АРХАРОВА.

Поповичу и подѣломъ,
Что бойко выскочилъ на сцену:
Теперь себѣ узнаетъ цѣну!

ИЖОРСКІЙ.

Такихъ сановниковъ, какъ онъ,
Сумѣлъ привлечь Наполеонъ!
А господа іезуиты,
Которыми дома набиты
И край литовскій наводненъ?

КНЯЗЬ.

Придумали—чего ужъ больше?
Проектъ возстановленья Польши!

СЕСЛАВИНЪ.

Не сбыться только ихъ мечтамъ;
Давая волю болтунамъ,
Мы держимся на дѣлѣ стойко.

СУРИНЪ [глядя въ окно].

А вотъ, какъ будто ѣдетъ самъ.
Ужъ капитанъ-исправникъ тройкой
Пыль подымаетъ къ небесамъ.

[Графиня съ Булгаковой усаживаются около Архаровой. Всѣ устремляются къ окну].

ПОЛИНА [Ольгѣ, на авансценѣ].

Довольно нѣжности притворной,
Чтобъ гибнуть изъ-за пустяковъ!
Я не могу сносить оковъ,
Нѣтъ, слишкомъ долго и покорно
Я выносила эту ложь.

ОЛЬГА.

Полина, ты его убьешь.

[Къ нимъ подходитъ Ижорскій].

КНЯЗЬ [у окна].

Гдѣ жъ губернаторъ? Что за сказки!
Невидно никакой коляски.

СУРИНЪ.

Не задержался ль по пути?

КНЯЗЬ.

Навѣрное. Узнать пойти.

[Выходитъ и, сойдясь въ дверяхъ съ растерянно докладывающимъ капитанъ-исправникомъ, возвращается въ его сопровожденіи].

Досадно! Проситъ извиненья
И выражаетъ сожалѣнье.
Въ Москву внезапно ускакалъ,
Оттуда вызванъ эстафетой.

БУЛГАКОВЪ.

Опять какой-нибудь скандалъ?

БУРКИНЪ.

Иль бунтъ?

АРХАРОВА.

Ужъ не война ли это?

КАПИТАНЪ-ИСПРАНИКЪ [почтительно къ Архаровой].

Не могъ проникнуть я секрета.

АРХАРОВА.

Вотъ захотѣлъ. Чтобъ онъ сказалъ!

КНЯЗЬ.

Прошу васъ, господа, къ закускѣ.

КАПИТАНЪ-ИСПРАВНИКЪ [къ обступающимъ].

Никто найти не можетъ нить...

КНЯЗЬ.

Mesdames, позвольте васъ просить.

ПОЛИНА [подавая руку Ижорскому послѣ его горячаго объясненія].

Такіе взгляды очень узки,
Хоть подготовлена я къ нимъ
Уже давно тобой самимъ.

ГРАФИНЯ [принимая руку Булгакова, къ Ольгѣ].

Тебя измучила дорога,
Пошла бы лучше отдохнуть.

ОЛЬГА.

Послушать музыку немного
Я здѣсь присяду гдѣ-нибудь.

[Князь съ Архаровой открываютъ шествіе въ галлерею, за ними Графиня съ Булгаковымъ, Предводитель съ Внучкой, Ижорскій съ Полиной, Суринъ, Аббатъ, д-ръ Бухе, Буркинъ и др. съ прочими дамами. Роговая музыка въ полукругѣ галлереи въ глубинѣ сцены играетъ маршъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Ольга, потомъ **Аббатъ.**

ОЛЬГА.

Какъ больно мнѣ, какъ сердцу трудно!
И съ ними я всегда одна,
А здѣсь, гдѣ шумно, многолюдно,
Душа лишь горести полна,
Томясь, волнуясь смутной цѣлью,
Лелѣя радужные сны.

АББАТЪ [подкравшись изъ-за колоннъ и подсаживаясь].

Графиня Ольга, вы грустны
И чужды общему веселью?

ОЛЬГА.

Утомлена. Грустна?—ничуть.

АББАТЪ [подвигая стулъ].

Я врачъ. Дозвольте хоть немного
Мнѣ въ ваше сердце заглянуть.

ОЛЬГА.

Трудна, длинна туда дорога
И вамъ по ней заказанъ путь...

АББАТЪ.

Не то, что у comtesse Полины?

ОЛЬГА.

На это есть свои причины.
Въ Ижорскомъ есть у ней оплотъ.

АББАТЪ.

Ижорскій слишкомъ патріотъ.

ОЛЬГА.

Не можетъ быть излишка въ этомъ.

АББАТЪ.

Открыть ли тайну вамъ одну?
Что, ежели однимъ совѣтомъ
Я вамъ Ижорскаго верну?

[Ольга смотритъ на него съ удивленіемъ].

Ну вотъ, вы медлите отвѣтомъ,
Тогда какъ общій интересъ...

ОЛЬГА [перебивая].

Вѣрнѣе, вашъ. Вы сущій бѣсъ!

АББАТЪ.

Во мнѣ имѣете вы друга,
Какихъ, повѣрьте, мало тутъ.

ОЛЬГА.

Вы врачъ не моего недуга.
Молчите, слушайте. Поютъ.

[Съ эстрады раздается хоровое пѣніе. Въ концѣ пѣнія изъ за колоннъ выходятъ въ смущеніи Полина, за нею Ижорскій].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Ижорскій, Полина,** затѣмъ **Графиня** и снова **Аббатъ.** Въ концѣ всѣ остальные.

ИЖОРСКІЙ.

Передъ подобною задачей
Могу ли колебаться я,
Могу ли поступить иначе?
Что скажутъ всѣ мои друзья,
Когда предъ жертвою суровой
Въ Россіи каждая семья
Почувствуетъ себя готовой?

[Аббатъ осторожно крадется въ лѣвую часть галлереи].

ПОЛИНА.

Но я опомниться должна.

ИЖОРСКІЙ.

Должна отвѣтить мнѣ съ любовью.

ПОЛИНА.

Да гдѣ жъ записка?

ИЖОРСКІЙ [подавая].

Вотъ она.

КНЯЗЬ [за сценой].

За губернатора гражданскаго здоровье!

[Роговая музыка играетъ гимнъ: «Громъ побѣды раздавайся», слышны легкіе ура и чеканье].

ПОЛИНА [недочитавъ письма, вздрагиваетъ и закрываетъ лицо руками].

Какъ сердце сжалось! Я умру.

[Ижорскій и Ольга ее поддерживаютъ].

ОЛЬГА.

Что напугало такъ сестру?

ИЖОРСКІЙ [со страстью].

Я награжденъ за всѣ сомнѣнья!

ПОЛИНА [приходя въ себя].

Еще сегодна по утру
Мнѣ было точно сновидѣнье...
Пройдетъ. Минутное забвенье.

[Ольга и Ижорскій тихо объясняются].

ГРАФИНЯ [въ сопровожденіи Аббата].

Скажите, что тутъ за совѣтъ,
Что значатъ эти выбѣганья,
Когда не кончился обѣдъ?

ПОЛИНА.

Мама, война! Безъ колебанья
Владиміръ покидаетъ насъ...

ИЖОРСКІЙ.

Какъ постъ окончится, тотчасъ
Мы совершимъ обрядъ вѣнчанья
И я отправлюсь изъ Москвы.
Что скажете на это вы?

ГРАФИНЯ.

Вамъ нужно знать мое рѣшенье?
[Къ Полинѣ].
Когда ты не сошла съ ума,
Могла бы знать его сама.
Нѣтъ моего благословенья!

ОЛЬГА [къ матери].

Зачѣмъ такъ гнѣваться, мама?

ИЖОРСКІЙ [къ Ольгѣ].

Скажите же моей невѣстѣ,
Что чувство долга, чувство чести
Стоятъ превыше благъ земныхъ...

ГРАФИНЯ.

Никто васъ не лишаетъ ихъ.

ОЛЬГА [къ матери].

Вы видите, въ какомъ онъ горѣ?

ГРАФИНЯ [сухо].

Не будемъ тратить время въ спорѣ.
Я вамъ на выборъ отдаю
Или войну, иль дочь мою.
Надѣюсь, вы рѣшитесь вскорѣ.

ИЖОРСКІЙ.

Зачѣмъ такъ ставите вопросъ?
Въ васъ сердца вовсе нѣтъ, графиня!

ГРАФИНЯ.

Да по весьма простой причинѣ,
Что не желаю видѣть слезъ.

ИЖОРСКІЙ.

Тогда я обращусь къ Полинѣ.

ПОЛИНА.

Владиміръ, я сказать должна,
Что чувствамъ остаюсь вѣрна,
Но воля матери — святыня!

ИЖОРСКІЙ.

Есть нѣчто высшее отнынѣ.
Насъ ждетъ теперь иная мать,
Зоветъ Россію отстоять,
Нуждаясь въ каждомъ вѣрномъ сынѣ.

[Гости шумно выходятъ изъ-за стола].

КНЯЗЬ.

Злодѣй! Молчалъ вѣдь до конца.

КАПИТАНЪ-ИСПРАВНИКЪ.

Самъ приказалъ, сходя съ крыльца.

КНЯЗЬ.

Морочить точно онъ былъ нанятъ;
Когда ужъ городъ Вильна занятъ!

СУРИНЪ.

Кто знаетъ, что теперь настанетъ?

БУЛГАКОВЪ.

Нѣтъ, мы найдемъ противовѣсъ
Всѣмъ воинскимъ его талантамъ!

АРХАРОВА.

Къ намъ не забрался бъ этотъ бѣсъ!

СУРИНЪ.

Пойду служить хоть адъютантомъ.

АРХАРОВА.

А чтобы не было смѣшно,
Возьмите и меня старуху.

КНЯЗЬ.

Чтобъ въ домѣ не было ихъ духу,
Мы все шампанское вино,
Очистимъ сразу изъ подвала.
Подайте намъ сюда бокалы!
Неужли станемъ унывать?
Вокругъ Царя стѣною встать!
Вѣдь испытанья не такія
Терпѣла Русская земля.
Смиренно Господа моля,
Пусть ополчится вся Россія!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

25-го августа 1812 г.

Садъ въ Тобурлинѣ. Справа терраса съ колоннадой. Въ окнахъ дома слабый свѣтъ. Вечеръ, звѣздное небо, осыпаются листья. На авансценѣ на лѣво въ цвѣтникѣ скамья. Полина и д'Аркуръ приближаются къ ней изъ глубины сада.

ЯВЛЕНІЕ I.

Полина, Графъ д'Аркуръ.

ПОЛИНА.

Играя часто лицемѣрно
Мы чувствомъ собственнымъ своимъ,
Всегда однакоже хотимъ

Чужое чувство знать навѣрно.
Повѣрить—такъ не мудрено,
Притомъ оно всегда пріятно,
И, отдаваясь безвозвратно,
Мы рѣдко дѣйствуемъ умно,
Хоть помнить намъ необходимо,
Что служимъ часто мы для васъ
Игрушкою въ досужій часъ....

Д'АРКУРЪ.

Мнѣ слушать это нестерпимо
И лесть душѣ моей чужда.
Я выражаюсь безъ искусства,
А просто, искренно всегда,
Какъ воинъ,—и въ оттѣнки чувства
Мой бѣдный умъ не посвященъ.
Я откровенно вамъ отвѣчу:
Не знаю, былъ ли я влюбленъ,
Но я запомнилъ нашу встрѣчу:
Какъ позабыть мнѣ этотъ балъ,
Гдѣ я, по волѣ Провидѣнья,
Служа орудіемъ спасенья,
Васъ трепетно въ рукахъ держалъ?
То были чудныя мгновенья!
Казалось, зная высшій свѣтъ,
Все позабудется, и скоро;
Но вы спросили мой портретъ....
Съ тѣхъ поръ,—скрывать причины нѣтъ,—

Я вашего страшился взора,
Боясь, какъ робкій ученикъ,
Чтобы въ меня онъ не проникъ.
Но я былъ счастливъ безпредѣльно:
Мнѣ жизнь казалась такъ полна,
А все прошедшее—безцѣльно,
И въ сердце ворвалась волна
Мнѣ незнакомыхъ ощущеній.
Я трепеталъ, что безъ слѣда
Сокроется мой добрый геній!
Тревоги дѣтскаго стыда
Извѣдалъ я вполнѣ тогда,
Встрѣчаясь съ вами въ вихрѣ свѣта,
И, какъ наемникъ, стражъ ночной,
Слѣдилъ за вами стороной....
Я былъ женатъ, вы знали это.
Хоть жизнь моя была согрѣта
Участьемъ къ женщинѣ больной,
Къ судьбѣ несчастнаго ребенка,
Но жизнь ея лишь нитью тонкой
Держалась въ юдоли земной.
И вотъ, я вдовъ уже полгода,
Но я не въ силахъ съ этихъ поръ
Къ соблазнамъ обращать свой взоръ
И опостыла мнѣ свобода.
Съ тѣхъ поръ въ моихъ мечтахъ лишь вы,
Дочь благороднаго народа,
Моя графиня изъ Москвы!

ПОЛИНА.

Какъ это чудно! Въ то же время,
Почти два года ужъ прошло,
А въ сердце брошеное сѣмя
Въ немъ не заглохло, проросло.
Тутъ очевидно Провидѣнье.
Вѣдь, съ возвращенія въ Москву
Я прозябаю, не живу,
Надежды нѣтъ; вдругъ на яву
Возобновилось сновидѣнье.

Д'АРКУРЪ.

И всетаки вы день отъ дня
Готовились надѣть оковы
Любви вамъ чуждой, и меня
Вы были позабыть готовы,
Порвавъ таинственную нить....

ПОЛИНА.

Ко мнѣ онъ сватался, такъ что же?
Вѣдь, и у васъ обычай тоже
Дѣвицамъ замужъ выходить.
Хоть безъ любви оно обидно,
Но вамъ внушаютъ всякій день,
Что въ дѣвахъ засидѣться стыдно.
Да и отказъ бросаетъ тѣнь:
Злословятъ всѣ, кому не лѣнь,

Васъ называютъ злой и черствой
И каждый день все тоже вновь.
Меня спасло мое упорство.

Д'АРКУРЪ.

Нѣтъ, васъ спасла моя любовь!
Я въ это вѣрю безусловно.
Но можно ль думать хладнокровно,
Что я, несчастный человѣкъ,
Могъ васъ лишиться—и на вѣкъ,
Когда бы взрывъ войны народной
Васъ отъ замужства не отвлекъ
И не оставилъ васъ свободной?
Часъ гибели былъ не далекъ.

ПОЛИНА.

Я не дала, однакожъ, слова.
Притомъ мама возмущена
И на прощаньи съ нимъ сурово
Сказала, что пока война
Ничѣмъ не связана она....

Д'АРКУРЪ.

Тогда совсѣмъ иное дѣло.
Не знавшей счастія давно,
Моей душѣ осиротѣлой
Еще надѣяться дано.
Я плѣнникъ вашъ, но не жалѣю

О крови, въ битвѣ пролитой,
Найдя у васъ пріютъ святой,
Гдѣ стала жизнь моя свѣтлѣе,
Гдѣ умъ и сердце съ красотой
Такъ сочеталися согласно...

ПОЛИНА.

Отнынѣ вамъ, Жозефъ, все ясно,
Я ваша сердцемъ ужъ давно.
Зачѣмъ же отдалять напрасно
Что намъ судьбою суждено?

Д'АРКУРЪ.

Нѣтъ больше мѣста для сомнѣній,
Когда согласіе въ сердцахъ.
Во мнѣ исчезли стыдъ и страхъ
Упасть предъ вами на колѣни!
Вашъ образъ вѣчно предо мной,

[становится на колѣни, Полина склоняется къ нему].

Въ васъ для души моей больной
Нашелъ я вѣрную отраду,
Вы такъ мнѣ стали дороги....

ПОЛИНА [быстро вставая].

Въ аллеѣ слышатся шаги,
Не лучше ли пройтись по саду?

[Удаляются подъ руку. Съ противуположной стороны изъ за дома показывается Графиня, опираясь на руку Аббата Медленно обходятъ цвѣтникъ, бесѣдуя].

ЯВЛЕНІЕ II.

Графиня, Аббатъ, потомъ **Ольга** на террасѣ.

ГРАФИНЯ.

Такихъ пріятныхъ вечеровъ
Бываетъ осенью немного.

АББАТЪ.

На жизнь съ обычною тревогой
Ночь опускаетъ свой покровъ,
Какъ мать надъ дѣтской колыбелью,—
Конецъ слезамъ, конецъ веселью!
Но и въ оковахъ сладкихъ сновъ
Грѣха въ лукавомъ сердцѣ много.

ГРАФИНЯ.

Да, вы намъ посланы отъ Бога
Средь испытаній и заботъ,
Руководитель просвѣщенный
Для совѣсти моей смущенной!

АББАТЪ.

Теперь все къ лучшему пойдетъ.
Любовь зоветъ въ свои объятья
Ихъ упоенныя сердца.

ГРАФИНЯ.

А на войнѣ все гибнутъ братья
И новымъ жертвамъ нѣтъ конца.
Меня смущаетъ совпаденье,
Мнѣ грозной кажется судьба.

АББАТЪ.

Въ природѣ вѣчное движенье
И непрестанная борьба.
Сегодня злобствуютъ народы
И зло великое творятъ,
И снова — лишь проходятъ годы —
О вѣчной дружбѣ говорятъ.

ГРАФИНЯ.

Но я, какъ мать, за все въ отвѣтѣ
И мѣста не найду на свѣтѣ,
На нихъ навлекши Божій гнѣвъ.

АББАТЪ.

Вы милости небесъ достойнѣй.

ГРАФИНЯ.

Положимъ, что, виолнѣ прозрѣвъ,
Полина сдѣлалась спокойнѣй
Съ тѣхъ поръ, какъ раненый Жозефъ,
Благодаря ея уходу

Повеселѣвъ за эти дни,
Забылъ и думать про свободу....
Вы не видали, гдѣ они?

АББАТЪ.

Пройдитесь. Я сейчасъ узнаю,
Садъ обойдя съ другого краю.

[Графиня удаляется. Аббатъ, зайдя за кусты, крадется къ террасѣ, на которой передъ тѣмъ появилась Ольга].

ОЛЬГА [облокотясь на перила].

Большое утѣшенье мнѣ
Дышать вечернею прохладой,
Глядѣть какъ звѣзды въ вышинѣ
Мнѣ свѣтятъ тихою отрадой.
Давно Ижорскій позабытъ,
Не вызывая сожалѣнья,
Былъ даже слухъ, что онъ убитъ
Въ какомъ-то небольшомъ сраженьи.
Провѣрить даже эту вѣсть
Въ нихъ нѣтъ охоты и умѣнья.
Мнѣ вѣрится, надежда есть,
Во мнѣ одной найдетъ онъ друга,
Вернувшись....

[Вглядывается, слыша шорохъ].

Это вы, аббатъ?

АББАТЪ [тихо].

Не думалъ причинить испуга.

*

ОЛЬГА.

Зачѣмъ вы здѣсь? ступайте въ садъ.

АББАТЪ.

Мнѣ велѣно искать д'Аркура....

ОЛЬГА.

Вы ищите не тамъ, гдѣ онъ;
Не сдѣлавъ по саду и тура,
Вы устремились на балконъ?

АББАТЪ.

Услышавъ голосъ вашъ прелестный...

ОЛЬГА [не обращая вниманія].

Такъ я вамъ не могу помочь.

АББАТЪ.

Прелестны вы, какъ эта ночь,
Лазоревѣй, чѣмъ сводъ небесный!

ОЛЬГА [мѣняя тонъ].

Вамъ сказано, ступайте прочь!

АББАТЪ.

Мирюсь съ моей печальной долей.

[Отскакиваетъ и быстро идетъ на авансцену. На террасѣ появляется Михей].

ГРАФИНЯ [появляясь у скамьи].

Уже свѣжѣютъ вечера
И скоро въ домъ войти пора.

[Увидя аббата].

О чемъ такъ спорили вы съ Олей?

АББАТЪ.

Да говоритъ, напрасный трудъ
Намъ съ вами здѣсь искать влюбленныхъ,
Они въ аллеяхъ отдаленныхъ,
Ведущихъ на лебяжій прудъ.

[Подаетъ руку].

ГРАФИНЯ.

Они теперь повсюду вмѣстѣ,
Ихъ пѣсни на одинъ мотивъ.

[Направляются въ глубину сада. Съ противуположной стороны появляются графъ д'Аркуръ подъ руку съ Полиной].

ОЛЬГА [громко съ террасы].

Мама, есть радостныя вѣсти:
Пришли сказать, Ижорскій живъ!

[Графиня и аббатъ глядятъ въ недоумѣніи другъ на друга].

ГРАФЪ Д'АРКУРЪ [останавливаясь].

Вы слышите?

ПОЛИНА.

Жозефъ, ни слова!
На вѣкъ мы связаны судьбой!
Нѣтъ, я вольна владѣть собой,
Я защищать себя готова!..

Д'АРКУРЪ.

Не мучьте сердца своего...

ПОЛИНА [склоняясь къ нему на грудь].

Ахъ, ты дороже мнѣ всего!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

НА ПОГОСТѢ.

28 августа 1812.

Внутренность избы церковнаго сторожа на погостѣ, при подмосковномъ имѣніи графини Тобурлиной. На дворѣ хлещетъ дождь, сильная гроза, освѣщающая повременамъ окна. Въ свѣтцѣ надъ корытомъ горитъ лучина. По поднятіи занавѣса сторожиха достаетъ изъ шкафчика камчатную скатерть и, перейдя къ столу, начинаетъ накрывать. Стучатся въ дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сторожиха, Ижорскій, Василій.

СТОРОЖИХА.

Кого еще Господь несетъ
Въ такую темь, въ грозу и бурю?

[Отворяетъ].

ВАСИЛІЙ [впуская впередъ Ижорскаго съ рукой на перевязи, одѣтаго въ военную шинель и фуражку].

Здорово, тетка. Ливмя льетъ.
Дай намъ вздохнуть въ твоей конурѣ.

СТОРОЖИХА [замыкая дверь].

Войдите, рóдные, пока
Не отдохнете отъ дороги.
Изъ ближнихъ аль изъ далека?

ВАСИЛІЙ [располагаясь съ вещами].

Не видишь? Баринъ изъ Радоги
Съ войны, едва волочимъ ноги.

ИЖОРСКІЙ.

Какъ разболѣлася рука...

ВАСИЛІЙ [усаживая Ижорскаго на табуретъ у стола].

Вы бъ, сударь, сѣли здѣсь пока,
А я бы въ домъ слеталъ живѣе.
Отъ тройки отпрягу коня,
Авось онъ мнѣ не сломитъ шеи...

ИЖОРСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ. Не оставляй меня.
[Къ сторожихѣ].
Что тутъ у васъ за привидѣнья?

Изъ церкви еле слышно пѣнье,
А церковь заперта внутри.
Кто тамъ, старуха? Говори.

СТОРОЖИХА.

Отцы мои, такія бѣды
Господь за грѣхъ послалъ на насъ,
Какихъ не видывали дѣды...

ВАСИЛІЙ.

Да кто жъ тамъ не въ урочный часъ,
Покойникъ что ль?

СТОРОЖИХА.

Сказать не смѣю...
Затѣяла она затѣю,
Графиня наша—Богъ ужъ съ нею!
Не глядя на свое вдовство,
Вѣнчаться съ плѣннымъ! Отъ соблазна
Ужъ говорятъ въ народѣ разно.
Какая жъ свадьба? Колдовство!

ИЖОРСКІЙ [какъ ужаленый].

Какъ? Что? Да гдѣ церковный сторожъ?

СТОРОЖИХА.

Съ лакеями, за тихій нравъ,
Попалъ въ свидѣтели...

ИЖОРСКІЙ.

Ну, скоро жъ
Дѣла обдѣлалъ плѣнный графъ,
Россію-матушку узнавъ!
А вѣрить было очень трудно:
Такъ дико, пошло, безразсудно!
Василій, вижу я, ты правъ.
Вотъ мерзости.

ВАСИЛІЙ.

На что похоже?

СТОРОЖИХА.

Я мужу говорила то же.

ИЖОРСКІЙ.

Такъ это вѣрно? Графъ д'Аркуръ?

СТОРОЖИХА.

Онъ самый.

ИЖОРСКІЙ.

Вздумала жъ старуха.
Не мало въ свѣтѣ старыхъ дуръ,
Но какъ у ней хватило духа?

ВАСИЛІЙ [тихо].

Господскій домъ хотѣли сжечь,
А отъ своихъ не уберечь.
Того гляди начнется смута,
Начальство терпитъ почему-то...

ИЖОРСКІЙ [къ сторожихѣ].

Все жъ трудно вѣрить, что сама.
Откуда знаешь ты такое?

СТОРОЖИХА.

Да я, вѣдь, не сошла съ ума.
Народу мало ль? Слуховъ тьма.
Онъ занялъ графскіе покои,
Подъ ручку ото всѣхъ вдали
Гуляютъ позднею порою...

ИЖОРСКІЙ.

Но какъ они сюда пришли?

СТОРОЖИХА.

Пѣшкомъ, чрезъ поле подъ горою,
Какъ дворня ихъ приходитъ къ намъ.
Въ пути промокнувши до нитки,
Какъ воры пробѣжали въ храмъ.
Мы съ мужемъ ждали у калитки.

ИЖОРСКІЙ.

Кто жъ съ ними?

СТОРОЖИХА.

Барышни однѣ,
Да причтъ и слуги.

*

ИЖОРСКІЙ.

Видно, мнѣ
Не даромъ люди говорили,
Что здѣсь гнѣздо французы свили...
Какъ встрѣтимся? И стыдъ и смѣхъ.
Что жъ говоритъ отецъ Василій?

СТОРОЖИХА.

Да что тутъ? Видно, подкупили.
На душу тяжкій принялъ грѣхъ,
Да не идти же противъ всѣхъ?
Вѣдь, барыня въ чести и въ силѣ.

ВАСИЛІЙ.

Дождь стихъ. Какъ будто бы идутъ?

[За сценой слышенъ грохотъ переваливающагося экипажа].

ИЖОРСКІЙ [поворачивается къ окну, выходящему на погостъ].

Нѣтъ, кто-то ѣдетъ.

СТОРОЖИХА [подходя къ окну въ глубинѣ].

Да не тутъ.
Вотъ и коляска съ фонарями.
Хватились, знать, за господами.

ИЖОРСКІЙ.

Но, вѣдь, они ушли тайкомъ?

СТОРОЖИХА.

Да въ домѣ какъ не знать о томъ.

[Стучатъ, сторожиха отворяетъ].

АББАТЪ [за сценой].

Свѣти, Михей.

[Входятъ].

Какъ въ рай изъ ада!
Стряхни манто, я залитъ весь.
Что, нѣтъ еще графини здѣсь,
Еще не кончили обряда?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, **Аббатъ** и **Михей** съ фонаремъ.

ИЖОРСКІЙ [оборачиваясь].

Кого я вижу? Вы, аббатъ!?

АББАТЪ.

Ижорскій? Какъ!

ИЖОРСКІЙ [съ горечью].

Я очень радъ.
Хоть мы разсталися недавно,
Но могъ ли встрѣчи столь забавной
Я ожидать, нашъ добрый сватъ?..

АББАТЪ.

А вы съ подвязаной рукою?
Что съ вами сдѣлалось такое?
Давно ль покинули отрядъ?

ИЖОРСКІЙ.

Да болѣе чѣмъ двѣ недѣли.
Когда мы двигались назадъ,
Подъ Вязьмой въ арьергардномъ дѣлѣ
Мы сшиблись какъ-то невпопадъ,
И тутъ, во время самой сѣчи,
По насъ пустили залпъ картечи.
Когда свалился я съ коня,
Мгновенно послѣ жаркой схватки
Всѣ разлетѣлись безъ оглядки.
Средь мертвыхъ подняли меня
Въ бреду и въ сильной лихорадкѣ,
И въ Серпуховъ на почтовыхъ
Перевезли на утро боя.
Тамъ я средь полнаго покоя
Лежалъ...

АББАТЪ.

А кости цѣлы?

ИЖОРСКІЙ.

Въ нихъ
Сроценье только небольшое.
Да сонъ плохой. Уже давно я
Безъ всякой вѣсти отъ своихъ.

АББАТЪ.

Вамъ очень трудно?

ИЖОРСКІЙ.

Да, рука.
Телѣга такъ была тряска,
Что ломитъ все: нога и плечи,
И если бъ не Василій нашъ —
Я такъ обрадовался встрѣчѣ! —
То плохо кончить могъ вояжъ.
Меня берегъ онъ всю дорогу,
И я, не завернувъ въ Радогу,
Сюда скорѣй направилъ путь
Чтобъ грудью полною вздохнуть,
И все спѣшилъ попасть къ ночлегу.
Въ лѣсу, застигнутый грозой,
Промокнувъ до костей, больной,
Рѣшился бросить и телѣгу,
Пробившись часъ безъ колеса.
У насъ бѣда попасть въ лѣса
Въ такую грязь. Сюда отъ моста
Мы протащились съ полверсты,
Случайно выйдя у погоста
Среди кромѣшной темноты.
Вдругъ огонекъ. Глядимъ — кресты,
Привѣтно свѣтится окошко,
А тутъ церковная сторожка.

АББАТЪ.

Какъ видно, вы изнурены?

ИЖОРСКІЙ.

Да, руку рѣжетъ точно бритвой.

АББАТЪ.

Мы смущены послѣдней битвой.

ИЖОРСКІЙ.

А есть извѣстія съ войны?

АББАТЪ.

Да, за Можайскомъ у Колочи
Позавчера дрались до ночи.

ИЖОРСКІЙ.

И что жъ?

АББАТЪ.

Все кончено, увы!
Нельзя сопротивляться силѣ.
Вчера же ваши отступили
И вамъ не отстоять Москвы.

ИЖОРСКІЙ.

Не ошибаетесь ли вы?

АББАТЪ.

Не ясны результаты боя
И неизвѣстно — кто убитъ,
Но только что-то роковое
Какъ будто въ воздухѣ стоитъ.

ИЖОРСКІЙ.

Но, вѣдь, сюда доходятъ вѣсти?

АББАТЪ.

Кой-что. Мы все же не на мѣстѣ.

СТОРОЖИХА.

За Пахрой слышалась пальба.

МИХЕЙ.

Проѣздомъ говорятъ чужіе —
Была великая борьба.

ИЖОРСКІЙ.

Однако вѣсти роковыя!
Вотъ гдѣ рѣшалася судьба!
[Задумывается].
Но, вѣдь, Москва не вся Россія
И не конецъ еще войнѣ?
[Послѣ паузы].
А что нашъ вѣрный лѣкарь Бухе,
Все лѣчитъ въ здѣшней сторонѣ?

АББАТЪ.

Не знаю, вѣрны-ль только слухи,—
Про Бухе сказывали мнѣ,
Что онъ въ московскомъ ополченьи.
Какое здѣсь теперь лѣченье!

ИЖОРСКІЙ.

Досадно. Впрочемъ, все равно,
Была бы лишь Полина рада!

АББАТЪ [загадочно].

Конечно. Только вамъ не надо
Имъ дѣлать сцены. Суждено
Такъ, видно, въ небесахъ давно
И было бъ очень неумѣстно...

ИЖОРСКІЙ.

Повѣрьте, намъ не будетъ тѣсно,
Женюсь...

АББАТЪ.

Но съ этакой рукой,
Куда же тутъ? Вѣдь, вы увѣчный.

ИЖОРСКІЙ [слабѣя, какъ бы забываясь].

Поправлюсь и тотчасъ съ женой
Уѣдемъ. Оленьку, конечно,

Жить пригласимъ потомъ съ собой,
Здѣсь оставаться ей нельзя же.
А жаль ее.

АББАТЪ [указывая на скамью подъ окномъ].

Прилягте здѣсь.
Ты, старая, окно завѣсь.
Мы отвеземъ васъ въ экипажѣ,
Вамъ помощь скорая нужна.
Графиня такъ слаба, что даже
Волненья избѣгать должна.

ВАСИЛІЙ [глядя въ окно].

Кажись, идутъ.

АББАТЪ [быстро Михею].

Ахъ! Шли бы мимо,
Къ коляскѣ...

ИЖОРСКІЙ [вскакивая].

Стойте! Стой, Михей!
Василій, встань здѣсь у дверей.

АББАТЪ.

Позвольте. Мнѣ необходимо.

[Ижорскій и Василій, отталкивая аббата и Михея, занимаютъ мѣста по обѣ стороны двери, въ которую входятъ: сторожъ съ фонаремъ, за нимъ графиня Тобурлина, поддерживаемая дочерью Ольгой и ливрейнымъ лакеемъ, за ними графъ д'Аркуръ, шинель въ рукава, подъ руку съ Полиной, и два домовыхъ гусара съ фонарями. Слышны отдаленные раскаты грома].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, **Графиня, Полина, Ольга, Графъ д'Аркуръ и слуги.**

ГРАФИНЯ [входя].

Вотъ темень! Если бы аббатъ
Коляску выслать постарался.

АББАТЪ.

Я понялъ васъ и очень радъ,
Что угодить вамъ догадался.

ГРАФИНЯ [благодаритъ улыбкой и обращается къ д'Аркуру и Полинѣ].

Ахъ, дайте, дѣти, васъ обнять.
Будь, Поля, съ нимъ всегда счастливой,
Не забывай старуху-мать,
Люби его, не будь ревнивой.

ИЖОРСКІЙ [выступая].

Кого жъ я долженъ поздравлять?

[Смятеніе].

ПОЛИНА.

Ижорскій!

ОЛЬГА.

Какъ? Володя!
Откуда? По такой погодѣ,
И съ перевязаной рукой?

ИЖОРСКІЙ [къ Графинѣ].

Вы просите у нихъ прощенье
Или даете наставленье?

[Къ Полинѣ].

Полина, ты ли предо мной?
Твои глаза, твое смущенье!
Мой ангелъ! Или я чужой?

ПОЛИНА [въ страхѣ отбрасываясь].

Владиміръ... Все скажу... постой!

ИЖОРСКІЙ.

Скажи хоть ласковое слово,
Скажи, что сердцемъ ты моя,
Что будемъ счастливы мы снова
И не забытъ тобою я...
Что съ Ольгой здѣсь вѣнчался кто-то,
А ты, живя моей заботой,
Тревожилась, и въ тишинѣ
Все дожидалась возвращенья...

ПОЛИНА.

Владиміръ, онъ женатъ на мнѣ.
Не безъ борьбы, не безъ смущенья...

ИЖОРСКІЙ.

Что это? Сонъ иль на яву?
Или съ ума сойду я скоро?
Нѣтъ, я не допущу позора,
Я эти узы разорву!

ПОЛИНА.

Другъ другу мы давно ужъ милы,
Когда не думалъ ты о мнѣ.
Сама судьба. Ты на войнѣ,
А онъ предсталъ какъ изъ могилы...

ИЖОРСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрить не могу.
Все позабыть съ врагомъ отчизны?..
Нѣтъ, нѣтъ, подобной укоризны
Никто не сдѣлаетъ врагу!

ПОЛИНА.

Повѣрь, Владиміръ, я не лгу...

ИЖОРСКІЙ.

Да это хуже, чѣмъ обманы!..
Какъ? Стать моимъ же палачемъ
И нанести такія раны?!.

Д'АРКУРЬ [выступая между ними].

Позвольте. Вы то здѣсь при чемъ?..

ИЖОРСКІЙ [злобно].

Что? Вы не знаете причины?!.
Ну, если вы забыли честь,
Такъ вамъ напомнить средства есть.

Д'АРКУРЪ [сдерживаясь].

Я графъ д'Аркуръ, я мужъ Полины.

ИЖОРСКІЙ.

Такихъ мужей легко найти!
Не я-ль, больного, на пути,
Недавно васъ сюда направилъ?..

Д'АРКУРЪ.

Да развѣ я просилъ о томъ?

ИЖОРСКІЙ.

Вы человѣкъ безъ всякихъ правилъ
И ловко вкрались въ этотъ домъ,
Чтобъ завладѣть чужой невѣстой!..

Д'АРКУРЪ [презрительно].

Когда бъ не вашъ плачевный видъ,
Я указалъ бы ваше мѣсто,
Я не привыкъ сносить обидъ!
У насъ, кто носитъ эполеты,
Тотъ знаетъ цѣну словъ своихъ!

ИЖОРСКІЙ [задыхаясь].

Сейчасъ же драться, здѣсь, при нихъ!
Василій, дай намъ пистолеты.
Что стало такъ темно кругомъ?
Живѣе! Я держусь съ трудомъ...
Ахъ!

[Шатается и падаетъ на руки Василія. Ольга, Сторожиха и Василій бережно его отводятъ, чтобъ уложить на скамью].

АББАТЪ [тихо слугамъ].

Чтобъ коляску подавали...

ГРАФИНЯ [удаляясь, въ ужасѣ къ Аббату].

Пусть уберутъ его подалѣ,
Но только не въ господскій домъ.

[Всѣ медленно выходятъ, оглядываясь].

ОЛЬГА [помогающимъ ей].

Какъ можно тише... Осторожно...
Чтобы повязку намъ не сбить...
Онъ безъ сознанія...

[Берясь одной рукой за голову].

Безбожно
Такое сердце оскорбить!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

ГОРЯЩАЯ МОСКВА.

4-го сентября 1812 года.

[Третій день по занятіи Москвы Наполеономъ].
Бивуакъ отряда партизана Сеславина въ сосновомъ лѣсу на горѣ, въ 7 верстахъ отъ Москвы близъ Рязанской дороги. Въ глубинѣ сцены вдали пылаетъ въ разныхъ мѣстахъ Москва и зарево освѣщаетъ все небо. Ночь предъ разсвѣтомъ. Шалашъ изъ вѣтвей и рогожъ. У шалаша на складнѣ сидитъ Сеславинъ и разсматриваетъ карту. Въ просвѣтѣ немного поотдаль, сидя на камнѣ, Фигнеръ, скрестивъ руки и глядя упорно вдаль. Оба въ темныхъ казакинахъ. За деревьями сторожевые казаки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сеславинъ, Фигнеръ, казаки.

ФИГНЕРЪ.

Вотъ дѣло рукъ Наполеона.

СЕСЛАВИНЪ [взглянувъ по направленію къ Москвѣ].

Мнѣ кажется, что ты не правъ.

[Снова задумывается надъ картой].

ФИГНЕРЪ.

И Римъ горѣлъ во дни Нерона,
Пылалъ для цезарскихъ забавъ.

СЕСЛАВИНЪ.

Погибла память о тиранѣ
И царство ихъ поверглось въ прахъ,
А вѣчный городъ, какъ и ранѣ,
Красуясь на семи холмахъ,
Стоитъ все такъ же величаво.

ФИГНЕРЪ.

Горящая теперь Москва
Расплаты требуетъ кровавой,..

СЕСЛАВИНЪ.

Не все погибло, Русь жива.
Когда исчезнутъ супостаты,
Соорудятся вновь палаты
И снова на церковный звонъ
Пойдетъ народъ со всѣхъ сторонъ.

ФИГНЕРЪ.

Нельзя прощать дѣла такія!

СЕСЛАВИНЪ.

Да ихъ и не проститъ Россія.

ФИГНЕРЪ.

Всѣхъ истребить...

СЕСЛАВИНЪ.

Нашъ князь былъ правъ,
Когда давалъ намъ порученье,
Отважныхъ воиновъ избравъ,
Начать великое служенье.

ФИГНЕРЪ.

Я нынче жъ проберусь къ Москвѣ,
Чтобы сложилось въ головѣ
Яснѣе обо всемъ понятье.

СЕСЛАВИНЪ.

Старикъ одобрилъ предпріятье.
Жаль, нѣтъ Ижорскаго у насъ,
Въ немъ удаль есть и вѣрный глазъ.
Я потерялъ его изъ вида
И не увѣренъ, живъ ли онъ:
Подъ Вязьмой—горькая обида—
Онъ замертво былъ унесенъ.

ФИГНЕРЪ.

Съ Ижорскимъ были мы знакомы
Лишь шапочно. Аристократъ.

СЕСЛАВИНЪ.

Однако, онъ не виноватъ,
Что у его родныхъ хоромы,
Что дядя у него богатъ,
А мать изъ княжескаго рода,—
И здѣсь ему ты былъ бы радъ.
Мы съ нимъ въ войну седьмого года
Не разлучались средь похода.
Онъ очень простоватъ душой,
Но малый смѣтливый, не глупый.
Хвалить я мастеръ не большой.

ФИГНЕРЪ.

На брань мы всѣ не слишкомъ скупы.

СЕСЛАВИНЪ.

Но не люблю злыхъ языковъ.

ФИГНЕРЪ [послѣ паузы].

А все жъ отдать Москву безъ боя,
Когда вся армія—герои,
Когда народный духъ таковъ?

СЕСЛАВИНЪ.

Да, и въ московскомъ ополченьи,
Хотя оно изъ мужиковъ,
Такое же одушевленье.
Тамъ есть начальники полковъ
Изъ древнихъ княжескихъ родовъ.
Я разъ гостилъ въ одномъ имѣньи
И видѣлъ подъ Бородинымъ
Его помѣщика. За нимъ
Безтрепетно на громъ орудій,
Какъ туча, шли его же люди
И всѣ они дрались, какъ львы,
Въ надеждѣ не отдать Москвы.

ФИГНЕРЪ.

Тогда иное было дѣло:
Мы арміей дралися цѣлой,
А то у нашихъ пустомель
Война ведется беззаботно
И превращается охотно
Защита родины въ дуэль.

СЕСЛАВИНЪ.

Война не праздникъ, не охота,
Другая на сердцѣ забота
И велика въ предметѣ цѣль!

ФИГНЕРЪ [поднявшись, глядитъ въ подзорную трубу].

Я вижу, движется пѣхота,
Ужъ тронулись въ такую рань.

СЕСЛАВИНЪ [принимая трубу].

Должно быть, пользуясь пожаромъ
Не зная гдѣ искать насъ, даромъ
Они направились въ Рязань...
Какъ будто свистъ?

ФИГНЕРЪ [быстро подходя къ опушкѣ].

Ведутъ кого-то!
Я вижу двухъ у поворота:
Ужъ не найдемъ ли языка?

СЕСЛАВИНЪ [продолжая смотрѣть въ трубу].

Полезная была бы мѣра.

ФИГНЕРЪ.

Я различаю офицера,
А вслѣдъ волочатъ мужика.

СЕСЛАВИНЪ.

Не дурно бъ захватить ихъ нити
И направленье.

[Казаки тащатъ изъ лѣса Михея въ одеждѣ французскаго офицера, а за нимъ графиню Ольгу въ одеждѣ крестьянскаго мальчика; у обоихъ руки скручены назадъ].

МИХЕЙ [крича].

Помогите!
Вѣдь мы свои, идемъ къ Москвѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, **Ольга, Михей,** казаки, затѣмъ казачій офицеръ.

КАЗАКЪ.

Зачѣмъ же прятаться въ травѣ?

[Къ Сеславину].

Хоть зацѣпились на арканѣ,
А говорятъ какъ христіане.

МИХЕЙ.

Да это барышня моя,
Переодѣты мы нарочно.

СЕСЛАВИНЪ [разглядывая].

Для ряженья часъ неурочный.

ОЛЬГА [узнавъ его].

Сеславинъ, да, вѣдь, это я!—
Мы познакомились у дяди.

СЕСЛАВИНЪ [вглядываясь и узнавая].

Графиня Ольга! Здѣсь? Въ лѣсу?
И для чего въ такомъ нарядѣ?

[Ихъ развязываютъ, Фигнеръ отходитъ въ сторону].

ОЛЬГА.

Какъ всѣ, повинность я несу.
Отъ васъ таиться нѣту нужды, —
Ижорскій близко вамъ знакомъ,
Вы горю нашему не чужды, —
Мы выручать его идемъ.
Чтобъ заглушить свои мученья,
Почти-что бредя на яву,
Съ надеждой стать орудьемъ мщенья,
Онъ бросился одинъ въ Москву.
Хотя его поступокъ страненъ
И вамъ его извѣстенъ нравъ,
Но онъ къ тому же весь израненъ.

СЕСЛАВИНЪ.

Я все же радуюсь, узнавъ,
Что живъ онъ, что въ его несчастьи
Такое приняли участье.

Конечно, трудная пора,
Въ Москву проникнуть не забавно,
Но что за горе?

ОЛЬГА.

Вѣдь, сестра
Была обвѣнчана недавно...

СЕСЛАВИНЪ.

Съ д'Аркуромъ?

ОЛЬГА.

Да.

СЕСЛАВИНЪ.

Вотъ славно!
Теперь понятно почему
Такая блажь взбрела ему.
А этотъ?

ОЛЬГА.

Я взяла Михея,
Чтобъ съ нимъ найти его скорѣе:
Ему извѣстенъ домъ купца,
Гдѣ онъ пристать теперь намѣренъ.
Михей въ себѣ вполнѣ увѣренъ,
Онъ десять лѣтъ берегъ отца
Въ чужихъ краяхъ; его затѣи
Никто не исполнялъ умнѣе.

МИХЕЙ.

Хоть грамотѣ не обученъ,
По ихнему я разумѣю.

СЕСЛАВИНЪ [шутя].

И въ офицера облаченъ,
Притомъ порядочнаго роста;
Но какъ же онъ досталъ костюмъ?

ОЛЬГА.

На то ему Господь далъ умъ.

МИХЕЙ.

Да взялъ у графа, очень просто,
А послѣ свалимъ на народъ.
Что далѣ будетъ—власть Господня!

СЕСЛАВИНЪ [къ Ольгѣ].

Васъ не смущаетъ ихъ приходъ?

ОЛЬГА.

Они вступили къ намъ сегодня.
Начальникъ графу былъ знакомъ,
Хотя и заняли весь домъ,
Но обошлося все спокойно.
Кто выдумалъ всѣ эти войны?
Кто ожидалъ такой ударъ?
А изъ села все побѣжало,

Осталось тамъ народу мало
И начинался ужъ пожаръ.
Подъ вечеръ прибѣжалъ Василій,
Все разсказалъ—и мы рѣшили.
Велите только казакамъ,
Чтобъ насъ немного проводили,
И мы отправимся къ врагамъ...

СЕСЛАВИНЪ.

Я преклоняюся, графиня,
Но отпустить васъ не могу.

ОЛЬГА.

Скажите, по какой причинѣ?
Вѣдь, все равно я убѣгу.

СЕСЛАВИНЪ.

Порывы чувства портятъ дѣло,
Отъ гибели васъ случай спасъ.
Добыть Ижорскаго умѣло
Найдутся люди и у насъ.

ФИГНЕРЪ [выступая].

Дозвольте мнѣ.

ОЛЬГА.

Какая мука!

СЕСЛАВИНЪ [представляя ей].

За Фигнера я вамъ порука.

ОЛЬГА [въ смущеніи].

Я не затѣмъ... Подобный шагъ...
И вы рѣшаетесь на это?

ФИГНЕРЪ.

На то мы носимъ эполеты
И насъ не устрашаетъ врагъ.

ОЛЬГА.

Мнѣ стыдно за мое сомнѣнье:
Челнокъ большому кораблю,
Конечно, не идетъ въ сравненье,
А все же чувствую смущенье
И на колѣняхъ васъ молю...

СЕСЛАВИНЪ [не допуская].

Не обижайте насъ, графиня,
Неужли въ васъ сомнѣнье есть,
Что въ русскомъ воинствѣ и нынѣ
Не прежній духъ, не та же честь?

ОЛЬГА.

Простите. Духъ вашъ понимаю.
Вы видите, я не робка,
Но и рѣшительность такая
Все жъ безгранично велика.

СЕСЛАВИНЪ.

Во дни народныхъ испытаній
Со дна выноситъ, какъ рѣка,
Природа много дарованій.

ОЛЬГА.

Все это точно какъ во снѣ.

СЕСЛАВИНЪ.

Пусть такъ. Но вы должны быть дома
И ждать спокойно въ тишинѣ.
Намъ мѣстность хорошо знакома.

[Объясняются].

ФИГНЕРЪ.

Михей, ты будешь нуженъ мнѣ.
Со мной идти въ Москву согласенъ,
Или рѣшился сгоряча?
Ты понимаешь, путь опасенъ.

МИХЕЙ [глядя на Москву].

Горитъ какъ Божія свѣча.

СЕСЛАВИНЪ.

Михей въ слезахъ. Что это значитъ?

МИХЕЙ.

Нѣтъ, сударь, сердце только плачетъ.
Чего еще бояться мнѣ?
Господь захочетъ, врагъ не тронетъ.

ФИГНЕРЪ [Сеславину].

Я вижу, этотъ не потонетъ
Въ водѣ и не сгоритъ въ огнѣ.

ОЛЬГА.

Еще одно мое желанье:
Когда отыщете его,
Чтобы про наше здѣсь свиданье
Не зналъ Ижорскій ничего.
Смотри, Михей!

ФИГНЕРЪ.

Исполнимъ свято.
Михей, ты человѣкъ женатый?

МИХЕЙ.

Нѣтъ, сударь, вѣкъ былъ холостой,
Да ужъ теперь не молодой,
Въ чужихъ краяхъ за господами,
Гдѣ жъ тутъ съ женою да дѣтями?

ФИГНЕРЪ.

Ты могъ, уѣхавши туда,
Остаться. Тамъ ждала свобода,
А здѣсь — неволя, господа.

МИХЕЙ.

Да съ барышней теперь невзгода.

СЕСЛАВИНЪ [Фигнеру].

Я говорилъ тебѣ всегда,
Нѣтъ лучше русскаго народа.
[Даетъ легкій свистокъ, входитъ казачій офицеръ].
Сейчасъ сѣдлайте двухъ коней:
Одинъ—для васъ, другой—графинѣ,
И отправляйтесь вмѣстѣ съ ней
Въ Тобурлино. По той лощинѣ,
[указываетъ вправо].
Когда проѣдете за мостъ,
То, миновавъ избу съ навѣсомъ,
Возьмите осторожно лѣсомъ
И выѣзжайте на погостъ,
Куда дорога вамъ знакома.
Чтобы никто не видѣлъ васъ!
Увѣрясь, что графиня дома,
Сюда воротитесь тотчасъ
И, разузнавъ про ихъ движенья,
Доложите безъ промедленья.

ОФИЦЕРЪ [держа руку подъ козырекъ].

Исполню въ точности приказъ.

[Удаляется, остальные направляются къ сторонѣ пожарища].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

КАРТІНА ШЕСТАЯ.

ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

23-го сентября 1812 г.

Площадь въ селѣ Тарутинѣ съ двухъ-этажными домами, крытыми тесомъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ лавки съ навѣсами въ нижнемъ этажѣ. Вдали слѣва возвышается церковь. У одного изъ домовъ въ глубинѣ сцены при воротахъ два гвардейца на часахъ, а передъ домомъ на скамьяхъ гвардейскій караулъ, встающій при прохожденіи офицеровъ и отдающій честь генераламъ. Справа у заѣзжаго дома крылечко съ навѣсомъ на площадь. Во время дѣйствія проходятъ въ глубинѣ сцены офицеры гвардіи, казачьихъ частей, московскаго ополченія и адъютанты, торгуютъ маркитанты, окруженные солдатами, бабами и ребятишками. Ясный день. У домовъ слѣва на открытомъ воздухѣ офицерство играетъ въ карты и домино на нѣсколькихъ столахъ, иные закусываютъ. На авансценѣ денщики ополченцы накрываютъ большой столъ. Буркинъ, въ капитанскомъ ополченскомъ сюртукѣ, распоряжается столомъ, по временамъ уходя въ домъ. У воротъ заѣзжаго дома лакей, одѣтый въ дорожную ливрею, споритъ съ мужикомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Буркинъ, Штабной, офицеры и проч., затѣмъ **Графиня** и **Ольга.**

БУРКИНЪ.

Живѣе накрывать, ребята,
Подъ скатерть положить сукно.

ШТАБНОЙ [къ Буркину].

Угодно будетъ вамъ по пятой?

БУРКИНЪ.

Хоть по четвертой, все равно.
Сдавайте.

КАПРАЛЪ [выходя изъ дома, къ Буркину].

Ваше выскородье,
Нашъ поваръ пьянъ, грозится мнѣ.

БУРКИНЪ.

Ужъ это хамово отродье,
Чтобъ шелъ на вертелъ къ сатанѣ!
Когда онъ трезвъ—смирнѣй овечки.

КАПРАЛЪ.

А тутъ не отвести отъ печки.

[Уходятъ распорядиться].

МОЛОД. ОФИЦЕРЪ [къ мужику, проходящему отъ воротъ заѣзжаго дома мимо играющихъ].

Послушай, чей это лакей?

МУЖИКЪ [снимая шапку].

У насъ графиня на ночлегѣ
Съ каретой на шесть лошадей.
Не хочется трястись въ телѣгѣ,
Поди теперь, достань ихъ ей,
Да чтобъ везли въ Калугу прямо.

[Удаляется].

МОЛОД. ОФИЦЕРЪ [къ Штабному].

Не знаешь ты, кто эта дама?

ШТАБНОЙ.

Какая-то вдова посла.
Она бѣжитъ не отъ французовъ,
А съ ними дружбу завела
Такую, что сердитъ Кутузовъ:
Съ французомъ дочь ея ушла.
Какъ говорятъ, на той недѣлѣ
Ихъ мужики убить хотѣли,
Какъ за врагами въ ихъ село
Вновь войско русское вошло.

[Графиня, въ дорожномъ платьѣ, поддерживаемая Ольгой, выходитъ изъ заѣзжаго дома и садится на крылечко, грустная, изнуренная. Ольга садится у ея ногъ на ступени]

МОЛОД. ОФИЦЕРЪ.

Какая чудная погода.

ШТАБНОЙ.

Особенно для сентября.
Теперь бы, строго говоря,
Благопріятно для похода,
А мы теряемъ время зря.
Штабы наполнилися знатью,
Пошло безъ дѣла мотовство,
И болтовня, и шутовство.
Вотъ Радогинъ съ своею ратью—
Всѣхъ музыкантовъ, егерей
Одѣлъ въ какихъ-то ополченцевъ,
Похожихъ больше на чеченцевъ,
И предводительствуетъ ей.

[Погружаются въ игру].

ГРАФИНЯ.

Признаться, мнѣ здѣсь все противно
И не смотрѣла бъ на людей.
Нашъ экипажъ такой массивный,
Достать такъ трудно лошадей.
Ахъ, Оля, ѣхать бы скорѣй.
Я что-то плохо вижу нонѣ,
Туманно, шумно въ головѣ.
Да, тяжело мнѣ на Москвѣ.

*

ОЛЬГА [вставая].

Вы отдохните на балконѣ,
А я пойду поторопплю.

ГРАФИНЯ [задерживая ее].

О, другъ мой, я тебя люблю.
Въ душѣ твоей такъ тихо, ясно,
Ты не волнуешься напрасно.

ОЛЬГА.

Прибывъ въ нашъ мирный уголокъ,
Вы отдохнете отъ тревогъ.

ГРАФИНЯ.

Мнѣ за Полину безпокойно,
За странную ея судьбу.
Нѣтъ, отведи меня въ избу,
Здѣсь оставаться непристойно.

[Поднимается. Ольга ей помогаетъ].

ОФИЦЕРЪ [глядя въ чужія карты].

Не выступивъ еще въ походъ,
Ужъ проигрался до копѣйки.

ШТАБНОЙ.

Есть на войнѣ всегда лазейки,
Играй за бонапартовъ счетъ.

[Смѣхъ].

Да, пообчистилъ онъ народы.
Всѣ эти войны и походы
Не выдержитъ одинъ народъ.

ОФИЦЕРЪ.

Онъ съ міра собралъ денегъ кучи,
И сторожитъ ихъ цѣлый полкъ.

БУРКИНЪ [появляясь передъ этимъ снова у карточнаго стола].

Да, деньги двигатель могучій
И Бонапартъ въ нихъ знаетъ толкъ.
Навезъ фальшивыхъ ассигнацій,
Должно быть на руку не чистъ,—
Не даромъ онъ у многихъ націй
Слыветъ какъ злой авантюристъ.

[Въ это время графиня Ольга выходитъ изъ воротъ на площадь, чтобы взять въ улицу, и сталкивается съ Ижорскимъ въ адъютантской формѣ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Графини, **Ижорскій.**

ИЖОРСКІЙ [останавливаясь въ нерѣшительности].

Графиня Ольга, вы ли это?
Глазамъ не вѣрю, видя васъ.

ОЛЬГА.

Васъ не обманываетъ глазъ,—
Я по дорожному одѣта.
[Подаетъ ему руку].

ИЖОРСКІЙ [смущенно].

Я не узналъ изъ далека...

ОЛЬГА.

А я такъ рада нашей встрѣчѣ,
Но ваши раны и рука?

ИЖОРСКІЙ.

Лишь отзываются слегка.
Объ этомъ нѣту больше рѣчи.

ОЛЬГА.

Вы помните, въ послѣдній разъ,
Мнѣ, право, стыдно такъ за насъ
И за сестру...

ИЖОРСКІЙ.

Среди несчастій,
Постигшихъ цѣлый край родной,
Несчастье личности одной
Предупредить не въ нашей власти.
Я все забылъ; но гдѣ она?

ОЛЬГА.

Давно въ Москву увезена.

ПЖОРСКІЙ.

А вы?

ОЛЬГА.

Проѣздомъ изъ имѣнья,
Чтобы скорѣе скрыться съ глазъ
Въ Калужское уединенье.
Я такъ тревожилась за васъ.

ПЖОРСКІЙ.

Когда бъ заботливостью братской
Я не былъ вырванъ изъ Москвы,
Мнѣ не сберечь бы головы,
Не избѣжать ихъ мести адской...
Не позабуду никогда
Того, что эти господа,
Самимъ себѣ же яму роя,
Тамъ натворили. Вотъ герои!
Грабежъ и пьянство, смрадъ и стонъ,
Минуты не было покоя...
А гдѣ аббатъ? Что съ нимъ такое?
Вамъ не сопутствуетъ ли онъ?

ОЛЬГА.

Его... предъ окнами усадьбы
Повѣсили у насъ въ саду
На утро послѣ, послѣ...

ИЖОРСКІЙ.

Свадьбы?
Бѣднякъ! И онъ попалъ въ бѣду,
А въ общемъ человѣкъ былъ милый...

ОЛЬГА.

Простой народъ въ немъ видѣлъ зло.

ИЖОРСКІЙ.

Ихъ много бурей нанесло,
Они опасной стали силой,
Но скоро имъ покажутъ дверь.

ОЛЬГА.

Куда спѣшите вы теперь?

ИЖОРСКІЙ.

О мнѣ ужъ спрашивалъ нашъ Фабій,
Я долженъ повидать друзей
И заявиться въ главномъ штабѣ.

ОЛЬГА.

А я на поискъ лошадей.

ИЖОРСКІЙ.

Простите же до лучшихъ дней.
[Задерживаясь].

Два слова, Ольга. По намекамъ,
Нѣтъ, сердцемъ понялъ я вѣрнѣй
О томъ сочувствіи глубокомъ
Къ недавней участи моей,
Которое вы доказали,
Какъ сердобольная сестра,
Забывъ о собственной печали.

[Жметъ руку ей].

Простите. Мнѣ идти пора.

[Уходитъ].

ОЛЬГА [одна].

Не примирился онъ съ судьбою,
Назвавъ сочувствіемъ любовь.
О, мой Владиміръ, Богъ съ тобою!
Какъ знать, увидимся ли вновь?

[Удаляется. Изъ дома при палисадникѣ появляется докторъ Бухе въ формѣ военнаго врача].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ жѣ, докторъ Бухе.

ОФИЦЕРЪ.

Играть нельзя, всѣ карты биты.

Д-РЪ БУХЕ.

И на него придетъ гроза.

ОФИЦЕРЪ.

Я ставлю сотню на туза.

[Пауза].

Моя взяла, теперь мы квиты.

Д-РЪ БУХЕ [потирая руки и подсаживаясь].

Дозвольте, свѣтлые умы,
Принять участье въ общемъ дѣлѣ.
Больные всѣ поздоровѣли,
Здѣсь простоять хоть до зимы.
Я рѣжу двойку.

ОФИЦЕРЪ.

Какъ вы строги,
Вѣдь, здѣсь не то, что рѣзать ноги.

Д-РЪ БУХЕ.

Зачѣмъ? Ужъ миръ не за горой,
Къ намъ Лористона шлютъ не даромъ.

ШТАБНОЙ.

Нѣтъ, Русь не взять однимъ ударомъ.
Не пошатнуть нашъ крѣпкій строй...

ПРОХОД. ОФИЦЕРЪ.

Что, господа, гдѣ докторъ Бухе?

ШТАБНОЙ.

Гдѣ жъ иначе, какъ за игрой?

ПРОХОД. ОФИЦЕРЪ [увидавъ его].

Васъ ищутъ здѣсь къ одной старухѣ,
Къ проѣзжей барынѣ большой,
Внезапно сдѣлалась больной.

Д-РЪ БУХЕ [съ картою въ рукѣ].

Какія тутъ еще грандамы!

ШТАБНОЙ.

Ступайте же. Вѣдь, васъ зовутъ.

Д-РЪ БУХЕ.

Я жду развязку страшной драмы,—
Валета здѣсь на части рвутъ...

[Бросаетъ деньги и уходитъ за ливрейнымъ лакеемъ, котораго узнаетъ. Въ это время въ глубинѣ сцены появляется князь Радогинъ въ ополченской формѣ, обнимающій Ижорскаго].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, **князь Радогинъ, Ижорскій.**

КНЯЗЬ.

Не задержу ни на минутку.
Я радъ, что встрѣтилъ невзначай,

А ужъ боялся не на шутку.
Иди, дѣла свои кончай.
Да вотъ что. На Москвѣ, Володя,
Ты не былъ ли у насъ въ приходѣ,
Что наша церковь?

ИЖОРСКІЙ.

Какъ въ другихъ.
Въ двухъ-трехъ идетъ богослуженье,
А въ остальныхъ опустошенье,—
Конюшни сдѣланы у нихъ.
Съ иконъ посодраны оклады,
Какъ будто наглумиться рады,
Иконы рубятъ на дрова,
Пьютъ изъ церковнаго сосуда,
А сколько увезли оттуда!
Ограблена вполнѣ Москва.

КНЯЗЬ.

Чтобъ церкви грабить? Правый Боже!
Вѣдь, вѣра всякому дана
И каждому своя дороже,
Надъ ней и шутка не смѣшна.

ИЖОРСКІЙ.

Скажите, дядя, Суринъ дома,
Или отправился въ Рязань?

КНЯЗЬ.

Сердечная моя истома,
Какъ всѣ, отчизнѣ отдалъ дань.
Мы съ нимъ простились передъ боемъ.
Онъ палъ невѣдомымъ героемъ,
Изрубленъ подъ Бородинымъ....

ИЖОРСКІЙ [снимая фуражку].

А мы смѣялися надъ нимъ.
Кто думать могъ, Творецъ небесный,
Чтобъ этотъ человѣкъ безвѣстный
Закончилъ подвигомъ такимъ?

КНЯЗЬ.

О немъ поплакалъ я украдкой,
Принявъ его послѣдній вздохъ....
Ужо зайди въ мою палатку,
Когда пройдетъ переполохъ,
Тамъ все разскажемъ по порядку.
Пока являйся по штабамъ,
Я знаю, это вѣдь не сладость,
И приходи скорѣе къ намъ.

[Ижорскій уходитъ, а князь приближается къ играющимъ].

Ты знаешь, Буркинъ, нашу радость?
Сейчасъ Ижорскій будетъ здѣсь.
Съ дороги онъ измученъ весь,
Но то же сердце золотое.

[Князя окружаютъ его офицеры и усаживаютъ во главѣ стола].

БУРКИНЪ.

Сердечно радъ. Вина запасъ
Сегодня сдѣланъ больше вдвое,
А то досталось бы отъ васъ.
Но какъ онъ выбрался оттуда?

КНЯЗЬ (приступая къ закускѣ и угощая другихъ).

Его отъ смерти Фигнеръ спасъ,
А то ужъ приходилось худо.
Да, этотъ Фигнеръ сущій бѣсъ,
Ужъ я наслушался чудесъ,
И точно, совершилъ онъ чудо!

ОПОЛЧ.-ОФИЦЕРЪ.

Да, говорятъ головорѣзъ.

КНЯЗЬ.

Я до сихъ поръ ушамъ не вѣрю,
Пролѣзть до самой пасти къ звѣрю!
Владиміръ все разскажетъ самъ.

БУРКИНЪ.

Мы угостимъ его здорово
И потечетъ не по усамъ.
Пока яичница готова,
А послѣ подадутъ битки.

КНЯЗЬ.

Что жъ это все одно и то же?

БУРКИНЪ.

И такъ ужъ лѣзу вонъ изъ кожи,
Намъ всѣ завидуютъ полки.

ШТАБНОЙ [съ сосѣдняго стола].

Ты, князь, сегодня что-то въ духѣ....

КНЯЗЬ.

Племянникъ прибылъ изъ Москвы
И радуюсь.... А гдѣ же Бухе?
Совсѣмъ—было изъ головы.

ОФИЦЕРЪ.

Лѣчить пошелъ къ какой-то дамѣ.

КНЯЗЬ.

Ужъ лучше бы лѣчились сами.
Да вотъ что, Буркинъ, у донцовъ
Иль въ гвардіи достань, хоть тресни,
Моихъ любимыхъ молодцовъ,
Чтобы плясали, пѣли пѣсни.

БУРКИНЪ.

Весь хоръ давно уже готовъ.
Сегодня повелѣлъ Свѣтлѣйшій,
Чтобы замѣтилъ Лористонъ
Какъ лагерь веселъ, оживленъ....

КНЯЗЬ.

По истинѣ, онъ вождь милѣйшій,
Всегда и тонокъ, и уменъ,
А говорятъ еще: лукавый!

ОФИЦЕРЪ.

Французскій духъ вполнѣ постигъ
Славолюбивый нашъ старикъ.

КНЯЗЬ.

Ахъ, слава! Кто не любитъ славы?
Да, вѣдь, не всякому дано
Исполнить что-нибудь такое
Чему, оставя слѣдъ собою,
Жить и въ потомствѣ суждено.

ШТАБНОЙ.

Послушай, князь, что, вѣрны ль слухи—
Разсказывалъ тутъ какъ-то Бухе,—
Что ты имѣнья заложилъ
И продалъ всѣ свои картины,
Чтобъ ополчить твои дружины,

И въ ратниковъ преобразилъ,
Не говоря ужъ о дворовыхъ,
Всѣхъ, не щадя рабочихъ силъ?

КНЯЗЬ [неохотно].

Есть много слуховъ безтолковыхъ.
Вотъ важность, что я далъ людей,
Когда они Царю нужнѣй?

[Буркину, показывая на бутылки].

Пусть уберутъ все это къ чорту! —
Ты далъ вина плохого сорту.
Ужъ я закаялся давно
Не пить французское вино.
Дай намъ, голубчикъ, поскорѣе
Венгерскаго, да постарѣе!

ШТАБНОЙ.

Какая жъ разница въ винѣ?
Вѣдь мы и съ венграми въ войнѣ.

КНЯЗЬ.

Хоть и пришли къ намъ австріаки,
Но такъ, для виду, не для драки.

ШТАБНОЙ.

Не то что господа поляки?

КНЯЗЬ.

Ихъ всѣхъ скорѣй долой бы съ глазъ!
Иноплеменниковъ у насъ
Чужихъ, своихъ, куда довольно.
Плодиться, жить у насъ имъ вольно;
И пусть бы жили, въ добрый часъ.
Да не давать имъ много воли,
Чтобъ не играли видной роли.
Выходитъ все на оборотъ:
Насъ имъ же отдали въ науку.

БУРКИНЪ [ставя вино].

Да, не клади имъ пальца въ ротъ,
А то какъ разъ откусятъ руку.

ШТАБНОЙ.

Я вижу, здѣсь у васъ запасъ,
Навѣрно, хватитъ и для насъ.

КНЯЗЬ.

Признаться вамъ, передъ походомъ
Я пообчистилъ погреба,
Хоть пополнялъ ихъ годъ за годомъ,—
Знать, къ нимъ вернуться не судьба!

[Къ пѣсенникамъ].

Ну, братцы, гряньте всѣмъ народомъ!

[Пѣсенники затягиваютъ «Маршъ Русской гвардіи 1807 г.» Музыка и слова современные *)].

КНЯЗЬ.

Становится на сердцѣ жарко
Отъ этихъ богатырскихъ словъ.
Прошу запить ихъ доброй чаркой,
Чтобъ каждый русскій былъ готовъ
И жизнью жертвовать и кровью,
За родину, за отчій кровъ.

[Вставая].

За Государево здоровье!
Ура!

[Всѣ встаютъ и чокаются].

---

*) «Пойдемъ, братцы, заграницу,
Бить отечества враговъ.
Вспомнимъ матушку Царицу,
Вспомнимъ вѣкъ Ея каковъ!
«Славный вѣкъ Екатерины
Намъ напомнитъ каждый шагъ,
Вотъ поля, лѣса, долины,
Гдѣ бѣжалъ отъ русскихъ врагъ.
Вотъ Суворовъ гдѣ сражался,
Вотъ Румянцевъ гдѣ разилъ.
Каждый воинъ отличался,
Путь ко славѣ находилъ.
«Между славными мѣстами
Устремимся дружно въ бой,
Съ лошадиными хвостами
Побѣжитъ нашъ врагъ домой!»

*

Ну, братцы, до конца
Потѣшьте русскія сердца.
Пропойте что-нибудь съ любовью
Про дѣвицу и молодца.

[Хоръ поетъ солдатскій романсъ].

[Къ концу пѣнія появляется въ глубинѣ сцены адъютантъ, а въ воротахъ заѣзжаго дома, въ растерянномъ видѣ, д-ръ Бухе разсылаетъ въ разныя стороны лакея, мужика и бабу].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, адъютантъ и д-ръ Бухе.

КНЯЗЬ.

Спасибо, братцы!

АДЪЮТАНТЪ [проходя къ избѣ Кутузова, обращаясь къ обществу офицеровъ].

Господа,
Готовьтесь видѣть представленье:
Графъ Лористонъ въ сопровожденьи
Всѣхъ нашихъ шествуетъ сюда
Парламентеромъ.

[Проходитъ въ ворота, движеніе].

БУРКИНЪ.

Докторъ Бухе!

ШТАБНОЙ.

Что, отвязался отъ старухи?

ОПОЛЧ. ОФИЦЕРЪ.

Ну, что твоя вдова посла?

Д-РЪ БУХЕ [съ видомъ отчаянія направляясь къ князю].

Разрывомъ сердца умерла!

[Въ это время почетный караулъ выстраивается, часовые отдаютъ честь, бьютъ въ барабаны и въ глубинѣ сцены появляется Лористонъ въ сопровожденіи Толя и свиты. Всѣ встаютъ, надѣваютъ шапки, отдаютъ честь].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

ИЗБА КУТУЗОВА.

23-го сентября 1812 г.

Чистая изба въ селѣ Тарутинѣ, Калужской губерніи, избранная для временнаго пребыванія Главнокомандующаго. Къ срединѣ выдвинутъ простой столъ и приставлены два случайныхъ стула. Кругомъ: скамьи, печь, кивотъ, полотенца. Дверь справа и слѣва. Въ глубинѣ окна. Князь Кутузовъ сидитъ въ растегнутомъ сюртукѣ; около него генералы Ермоловъ и Коновницынъ въ парадныхъ мундирахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кутузовъ, Ермоловъ, Коновницынъ, затѣмъ **ординарецъ Кушниковъ.**

КУТУЗОВЪ.

Не долго быть намъ, господа,
Въ бездѣйствіи, для всѣхъ постыломъ,
Пришла и наша череда:

Не мы къ нему, а онъ съ засыломъ.
Ихъ жизнь въ Москвѣ не весела,
Все не приходитъ миръ желанный,
И вотъ онъ шлетъ ко мнѣ посла —
Пріемъ въ войнѣ довольно странный?
Да, плохо русскихъ изуча,
Онъ думалъ: я явлюся первый.
У нихъ скорѣй ослабли нервы.
Ихъ войско таетъ, какъ свѣча,
Къ намъ приближаются резервы...

ЕРМОЛОВЪ.

Настало время воевать.

КУТУЗОВЪ.

Тутъ не возьмешь однимъ азартомъ.
Повѣрь мнѣ, милый, съ Бонапартомъ
Одно: не надо рисковать,
А, вѣрно расчитавъ по картамъ,
Всегда по маленькой играть.

ЕРМОЛОВЪ.

Но удалось же Бенигсену
Бить Бонапарта? Съ той поры
Вѣсъ придаютъ ему и цѣну
И нашъ, и англійскій дворы.

КУТУЗОВЪ.

Не видишь развѣ ихъ игры?
Все та же. Мало ли, Ермоловъ,
Я перенесъ уже уколовъ
Отъ иноземной нѣмчуры?
Теперь онъ мною недоволенъ,
Что до сихъ поръ ты не уволенъ
И остаетесь вы вдвоемъ
Въ дѣлахъ начальствія штабного,
Что на тебя, какъ на родного,
Я полагаюся во всемъ,
Что будто нрава ты дурного
И присланъ къ арміи Царемъ...

ЕРМОЛОВЪ.

Пускай ведетъ свои интриги,
Не о себѣ веду я рѣчь,
И въ немъ читаю, точно въ книгѣ;
Но намъ давно пора налечь
И войску не чинить досады,
Пора ихъ вывесть изъ засады,
Чтобъ знали грозный русскій мечъ.

КУТУЗОВЪ.

Тебѣ все это очень ясно,
А я не дамъ себя напрасно
Нѣмецкимъ хитростямъ увлечь.
Мы съ вами вхожи за кулисы,

Такъ вспомни, русскимъ ли умомъ
Вамъ лагерь строили у Дриссы,
Чтобъ легче было взять живьемъ?
Всѣ эти Пфули и Вильсоны
Для русскихъ сущая напасть!
И всѣ къ Царю, и все персоны,
А въ арміи колеблятъ власть.
Взгляни на главную квартиру,
На этихъ льстивыхъ болтуновъ,—
Всегда языкъ клеветниковъ
Лизалъ по моему мундиру.

КОНОВНИЦЫНЪ.

Вамъ ставятъ всѣ они въ упрекъ,
Что если бы не отступленье,
Наполеонъ Москвы бъ не сжегъ,
Не предалъ бы на разграбленье.

КУТУЗОВЪ.

Къ чему искать иныхъ причинъ
И повторять пустые слухи?
Москву зажегъ графъ Ростопчинъ
Афишами въ народномъ духѣ!
А вновь сразиться подъ Москвой,
Подъ самыми ея стѣнами,
Лишь Ростопчинъ могъ — между нами —
Съ его горячей головой
Такими тѣшиться мечтами!
Онъ человѣкъ не боевой.

Мой опытъ — дѣло жизни долгой,
Потомство — лучшій судія —
Пойметъ, что въ исполненьи долга
Пришельцамъ не равнялся я.
Покажетъ время. Полно, братцы,
Не придирайтеся ко мнѣ.
И въ мирѣ трудно разобраться,
А каково же на войнѣ?
Конечно, я ему не равенъ,
Какъ вождь, онъ въ цѣломъ свѣтѣ славенъ,
Онъ геній, я — слуга Царю,
Онъ всѣхъ насъ выше головою,
А всетаки, какъ посмотрю,
Мы устояли подъ Москвою,
Сразившись у Бородина.
Москва кольцомъ окружена,
А войско, какъ и вся страна,
Горитъ отвагой боевою.
Увѣренъ я, что каждый шагъ,
Куда бъ ни устремился врагъ,
Тотчасъ же будетъ обнаруженъ.
Да, миръ теперь имъ очень нуженъ.

ЕРМОЛОВЪ.

Вы знаете, что Чичаговъ
Спѣшитъ, а войскъ его не мало,
Наперерѣзъ пути враговъ
И лавры ужъ пожать готовъ.

КУТУЗОВЪ.

Боюсь за участь корпусовъ
Подъ руководствомъ адмирала.

ОРДИНАРЕЦЪ КУШНИКОВЪ [входя съ пакетомъ].

Отъ Милорадовича вамъ
Изъ авангарда донесенье.

КУТУЗОВЪ.

Подай.

[Вскрывая и читая].

Враги все ближе къ намъ,
Не ожидая столкновенья.
Пускай. Нѣтъ худа безъ добра.

[По прочтеніи встаетъ, передавая бумагу Ермолову].

Однако, мы ведемъ тутъ рѣчи,
А ужъ по времени пора
Мнѣ приготовиться для встрѣчи.

[Уходитъ въ свѣтлицу].

ЯВЛЕНІЕ II.

Ермоловъ, Коновницынъ, затѣмъ Бенигсенъ.

КОНОВНИЦЫНЪ [взглянувъ на часы].

Теперь ужъ близко Лористонъ,
Нашъ князь свиданьемъ не смущенъ,

А интересна будетъ сцена.
Не знаешь, какъ отнесся онъ
Къ большому плану Бенигсена?

ЕРМОЛОВЪ.

Какъ только слухъ къ нему достигъ
О Лористонѣ съ порученьемъ,
Сообразилъ сейчасъ старикъ,
Что это передъ отступленьемъ.
Онъ такъ отгадывать привыкъ
Все затаенное чужое,
Что, ничего не говоря,
Далъ направленіе иное,
Чтобы не тратить силы зря.

КОНОВНИЦЫНЪ.

Опять подымутся вопросы
О превосходствѣ двухъ системъ
Въ военномъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ
И въ Питеръ полетятъ доносы
О томъ, что въ немъ весь корень зла...

БЕНИГСЕНЪ [входя и здороваясь].

Что, господа, готовы ль фразы
Для Бонапартова посла?
Воюя все изъ-за угла,
Мы дожили до новой фазы

И насъ зоветъ Наполеонъ
На миръ, не обнажая шпаги.

[Къ Коновницыну].

Каковъ господствующій тонъ?

КОНОВНИЦЫНЪ.

Вамъ это лучше знать, баронъ.

БЕНИГСЕНЪ [къ Ермолову].

Онъ вамъ не передалъ бумаги?

ЕРМОЛОВЪ.

Я видѣлъ лишь одинъ брульонъ.

БЕНИГСЕНЪ.

Мы споримъ съ нимъ о каждомъ шагѣ.
Въ немъ иль отсутствіе отваги,
Иль просто старость, спячка, сонъ.
Напрасно спорить съ нимъ въ совѣтѣ,
Ужъ Государь ему писалъ:
Онъ за Москву еще въ отвѣтѣ!

КОНОВНИЦЫНЪ.

Мы знаемъ это, генералъ;
Но не смутятъ упреки эти
Того, кто родинѣ своей
Служилъ полвѣка не безплодно.
Онъ понимаетъ духъ народный,
Онъ изъ суворовскихъ людей.

БЕНИГСЕНЪ.

Хотя и впалъ въ большое дѣтство,
Но онъ не дѣтище ему,
Да и Суворова наслѣдство
Совсѣмъ не по его уму.

КОНОВНИЦЫНЪ.

Намъ умалять его заслуги
Едва ли основанье есть,—
Онъ Руси и краса, и честь.

БЕНИГСЕНЪ.

Перечислять свои недуги,
Выслушивать плохую лесть
Весьма удобно на досугѣ;
Но чтобъ съ врагомъ сразился онъ,
Давно его мы тщетно молимъ...

КОНОВНИЦЫНЪ.

Не съ вами ль ѣхалъ Лористонъ?

БЕНИГСЕНЪ.

Ихъ повезли казачьимъ полемъ,
Гдѣ піонерный эскадронъ,—
Они на дрожкахъ ѣдутъ съ Толемъ.

ЕРМОЛОВЪ.

Вотъ князь.

[Дверь налѣво тихо отворяется, появляется князь Кутузовъ въ парадной формѣ съ картой и бумагами въ рукѣ и, тихо кланяясь, выходитъ къ срединѣ. Рѣчь плавная, движенія ровны. Всѣ останавливаются въ приличныхъ случаю положеніяхъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, **князь Кутузовъ.**

КУТУЗОВЪ.

День добрый, господа.
Не здѣсь ли нашъ начальникъ штаба?

БЕНИГСЕНЪ.

Я здѣсь.

КУТУЗОВЪ [здороваясь].

Простите, вижу слабо.
Болѣзни въ старости—бѣда:
Что день, то новыя страданья;
Но нынче, приложивъ старанье,
Прочелъ походный вашъ журналъ,
Репорты, почту пробѣжалъ.
Изъ государева свиданья
Со шведскимъ принцемъ увидалъ,

Что образумилися шведы,
И для рѣшительной побѣды
Полезенъ ихъ союзъ для насъ.

ОРДИНАРЕЦЪ КУЩНИКОВЪ [входя справа].

Графъ Лористонъ съ письмомъ Буонапарте.

КУТУЗОВЪ [слегка оборачиваясь].

Минутку обождать. Приму его сейчасъ.

[Къ Бенигсену, опираясь на столъ и нагибаясь къ бумагамъ].

Что здѣсь показано на картѣ
И въ диспозиціи моей,
Прошу васъ передать въ отряды.
Чтобъ только берегли людей!
Они, я знаю, будутъ рады:
По роздыхѣ дерутся веселѣй.
Что здѣсь зачеркнуто, писать не надо;
Что въ выноскѣ, поставьте въ связь.

[Оборачиваясь].

Просите графа Лористона.

[Кушниковъ отворяетъ дверь и вводитъ Лористона, въ сопровожденіи Толя].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, **графъ Лористонъ** и **Толь.**

ЛОРИСТОНЪ [общій поклонъ и особый передъ Кутузовымъ].

Я прибылъ къ вамъ, свѣтлѣйшій князь,
Отъ императора Наполеона.

КУТУЗОВЪ.

Свиданье съ вами лестно мнѣ весьма.
Прошу васъ сѣсть.

[Здороваясь и медленно опускаясь].

Но по какой причинѣ?

ЛОРИСТОНЪ [садясь по другую сторону стола].

Причина—въ передачѣ вамъ письма
Наполеона.

КУТУЗОВЪ.

Но, вѣдь, нынѣ
Мы съ вами, кажется, въ войнѣ,
И не напрасно ли вы присланы ко мнѣ?

[Медленно вскрываетъ пакетъ и пробѣгаетъ].

ЛОРИСТОНЪ.

Простите, князь. Сегодня ночью
Онъ самъ меня къ себѣ призвалъ,

Все объяснилъ и полномочье
Своей рукою подписалъ,
Чтобъ добрый миръ иль перемирье
Вамъ предложить.

КУТУЗОВЪ.

Не богатырь я,
Чтобъ ваши полчища сломить
И миръ почетный заключить.

ЛОРИСТОНЪ.

Вы защищались, какъ герои,
Какъ ждали всѣ, какъ и должны;
Но послѣ ужасовъ войны
Пора настать и днямъ покоя.
Войска у васъ утомлены,
Разобщены между собою,
И если есть всему конецъ,
То миръ — почетнѣйшій вѣнецъ
Тому, кто не сдается съ бою,—
Вы согласитесь съ этимъ, князь?

КУТУЗОВЪ.

Для насъ война лишь началась.
Покамѣстъ войско наше цѣло.
Война и миръ — царево дѣло,
Народныхъ силъ великъ запасъ
И пущенъ въ ходъ рукой умѣлой.

Онъ повелитъ, настанетъ часъ
И мы домой проводимъ васъ,
По старинѣ, не безъ конвоя.
Бываетъ въ счастьи поворотъ,
Мы родины не отдаемъ безъ боя.

ЛОРИСТОНЪ.

Но изнуренный вашъ народъ,
Опустошенныя селенья,
Застой въ торговлѣ, обѣднѣнье;
Кто знаетъ, до чего дойдетъ
Смущенье бѣднаго народа?

КУТУЗОВЪ.

Народъ у насъ простой: когда невзгода,
Онъ на Царя не ропщетъ никогда
И, покоряясь Божьей волѣ,
Онъ тихъ въ своей смиренной долѣ.
Таковъ народъ.

ЛОРИСТОНЪ.

Конечно, да.
Но, вѣдь, у насъ въ рукахъ столица...

КУТУЗОВЪ.

Не мѣсто правитъ; правятъ лица.
У насъ столица тамъ, гдѣ Царь.
Такъ и теперь, какъ было встарь.
Не разъ она у насъ мѣнялась,
Когда Россія разросталась.

*

ЛОРИСТОНЪ.

Извѣстно всѣмъ, что Государь
Желаетъ кончить эти споры.
На насъ устремлены всѣ взоры...

КУТУЗОВЪ.

Отъ глазъ худыхъ не уберечь.
Мы были бы готовы скоро
Вложить въ ножны кровавый мечъ;
Но чтобъ вести переговоры?
Немилость Царскую боюся я навлечь.

ЛОРИСТОНЪ.

Такъ вы не можете дать добраго отвѣта?

КУТУЗОВЪ.

Не властенъ я. Не моего ума
Такое дѣло. Что же до письма,
Я отпишу съ ближайшей эстафетой.

ЛОРИСТОНЪ.

Хотя бъ ускорить дѣло это?
Москва въ руинахъ, бѣдствій тьма,
Конца не видно...

КУТУЗОВЪ [вставая].

Сожалѣю,
Но большаго сказать я не имѣю.

[Любезно раскланиваются].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ V.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

ГИБЕЛЬ НЕПРІЯТЕЛЯ.

6-го ноября 1812 г.

Третій день боя подъ Краснымъ, передъ закатомъ солнца. Опушка еловаго съ березовымъ лѣса въ сторонѣ отъ старой Смоленской дороги. Въ глубинѣ большая дорога, обсаженая березами. Земля и деревья покрыты рѣдко падающимъ снѣгомъ. Слѣва деревянная, полуразрушенная часовня надъ источникомъ. При часовнѣ навѣсъ со ступенями. По полю разбросаны и опрокинуты телѣги, колеса, лафеты, лежатъ мертвые люди и лошади. Подъ деревьями, кто лежа, кто скорчившись, кутаясь и помертвѣвъ отъ холода, до десяти безоружныхъ французскихъ рядовыхъ и капралъ, всѣ подвязаны разноцвѣтными платками, въ остаткахъ обуви и закутаны въ шинели, попоны, мѣха, рогожи. Всюду разбросаны котомки, фляжки, кивера. При поднятіи занавѣса и во время дѣйствія, до появленія Кутузова со свитой, слышатся замирающіе пушечные выстрѣлы близкаго сраженія и гулъ человѣческихъ массъ въ отдаленіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Безоружные французскіе солдаты.

1-й СОЛДАТЪ.

Вотъ и московское веселье!
Погибнуть на чужой землѣ...

2-й СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, лучше быть монахомъ въ кельѣ,
Да сыто ѣсть и спать въ теплѣ.

1-й СОЛДАТЪ.

Сулили намъ всѣ блага міра,
А умираемъ безъ сапогъ.

3-й СОЛДАТЪ.

У всѣхъ дырявые мундиры.

1-й СОЛДАТЪ.

Хоть бы вина одинъ глотокъ!

2-й СОЛДАТЪ.

Хоть сухаря!

3-й СОЛЛАТЪ.

Хоть ложку каши!

КАПРАЛЪ.

Еще велики силы наши,
Еще сраженіе идетъ.
Мы въ Красномъ соберемся ночью.

2-й СОЛДАТЪ.

Остался лишь великій сбродъ,
Отъ арміи великой клочья.

КАПРАЛЪ.

Худой ты, братецъ, патріотъ.

2-й СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, врагъ отечества лишь тотъ,
Кто, гордо потрясая троны,
Разноситъ всюду плачъ и стоны
И губитъ вѣрный свой народъ.

3-й СОЛДАТЪ.

Теперь на берегахъ Гароны
Въ горахъ зеленыхъ такъ свѣтло!
Ужъ сборъ оконченъ винограда,
Вино рѣкою потекло
И вся деревня наша рада.

4-й СОЛДАТЪ.

Тамъ воды голубой рѣки
Несутся шумны и легки,
Сверкая брызгами каскада.

2-й СОЛДАТЪ.

И наши братья на селѣ
Живутъ въ довольствѣ и въ теплѣ,
А сестры милыя и жены
Не вѣдаютъ про наши стоны.

1-й СОЛДАТЪ [слабѣя].

Покрылись мглою небеса,
Смолкаютъ пѣсенъ голоса,
Ужъ слышенъ благовѣстъ вечерній
И пала на землю роса.

КАПРАЛЪ.

Въ судьбѣ солдата много терній...

1-й СОЛДАТЪ.

Тамъ грѣетъ солнышко тепло,
Зачѣмъ сюда насъ принесло?

КАПРАЛЪ.

Что можетъ быть на свѣтѣ хуже?
Какъ только люди здѣсь живутъ?
Ужъ съ октября такія стужи...

2-й СОЛДАТЪ.

И это родиной зовутъ!

4-й СОЛДАТЪ.

Смотри, еще какихъ-то трое
Къ намъ умирать идутъ сюда.

3-й СОЛДАТЪ.

Всѣ разбѣгаются изъ строя,
Померкла и его звѣзда!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, **Полина,** закутанная въ военную шинель и поддерживаемая капитаномъ **Савэномъ** и **Михеемъ.**

ПОЛИНА.

Да, мой Савэнъ, нѣтъ силы болѣ;
Всему предѣлъ, и съ сильной волей
Приходитъ время изнемочь.

САВЭНЪ.

Но, вѣдь, изъ лѣса выйдя въ поле,
Найдемъ же средства вамъ помочь.

ПОЛИНА.

Легко сказать! Ужъ скоро ночь.
Въ груди какой-то жаръ несносный,
Я холодѣю ужъ давно
И мнѣ какъ будто все равно.

САВЭНЪ.

Давно идемъ, все ель да сосны,
Быть можетъ, сжалится судьба
И, если бы нашлась изба,
Вы скоро собрались бы съ силой....

МИХЕЙ.

Когда бъ коляску не разбило,
Да не лишились мы коней,
До города подать рукою....

ПОЛИНА [останавливаясь у часовни].

Мнѣ подвигаться все труднѣй,
Хоть полчаса пробыть въ покоѣ.

МИХЕЙ [усаживая Полину на ступеняхъ часовни].

Кто ждалъ такихъ холодныхъ дней?

1-й СОЛДАТЪ [оглядываясь].

Ты видишь, по большой дорогѣ
Ужъ старой гвардіи полки
Едва передвигаютъ ноги?

КАПРАЛЪ.

Да, переходы велики.
Мы шли сюда скорѣе вдвое,
Чѣмъ на Москву.

2-й СОЛДАТЪ.

Онъ ихъ всегда,—
Нивѣсть какіе господа,—
Выводитъ первыми изъ боя;
Въ московской битвѣ спряталъ ихъ
Далеко за свои обозы,
Кормилъ ихъ ранѣе другихъ
Да и вино давалъ въ морозы,—
Таковъ всегда Наполеонъ.

КАПРАЛЪ.

Молчите! Тише! Это онъ!....

[Все смолкаетъ, кромѣ вѣтра и выстрѣловъ. Полуживые приподымаются, поднимаютъ головы и безмолвно смотрятъ въ направленіи къ большой дорогѣ, по которой, вслѣдъ за старой гвардіей, проходитъ, опираясь на палку, одинокая фигура императора Наполеона въ шубѣ и шляпѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи кучка свиты, за ними опять гренадеры и пушки, волочимыя людьми].

2-й СОЛДАТЪ.

Покинулъ насъ, и небосклонъ
Закрылся мрачною завѣсой!

МИХЕЙ.

Не хорошо здѣсь въ поздній часъ,
Кругомъ голодные повѣсы.
Дозвольте, барышня, мы васъ
Съ Савэномъ вынесемъ изъ лѣса.
Храни Господь, подальше съ глазъ.

*

САВЭНЪ.

Уже заря уходитъ съ неба,
Въ деревнѣ мы достанемъ хлѣба,
Дозвольте намъ васъ унести....

ПОЛИНА.

Ты слышалъ, гвардія въ пути?
Въ тебѣ еще довольно силы,
Чтобы примкнуть къ ея рядамъ.
Вернись на родину—и тамъ
Живи для тѣхъ, кто сердцу милы.

САВЭНЪ.

Теперь служу я только вамъ,
Охотно жертвуя собою.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **Графъ д'Аркуръ.**

Д'АРКУРЪ [вбѣгая изъ глубины сцены].

Она, она! Надежда есть!
Полина, я передъ тобою.
Я все забылъ—и долгъ, и честь,
Чтобы скорѣй тебя унесть
Подалѣе отъ мѣста боя!

[Обнимаются].

ПОЛИНА.

Жозефъ, ты живъ? Мы спасены!

Д'АРКУРЪ.

Передъ ужасною развязкой
Мы все жъ надѣяться должны.

ПОЛИНА.

Хоть умереть съ твоею лаской—
И смерть покажется легка!
Но какъ дрожитъ твоя рука?
Какъ ты узналъ?

Д'АРКУРЪ.

Издалека
Увидѣвши бѣду съ коляской,
Я оторвался отъ полка.

ПОЛИНА.

Когда бъ ты зналъ мои мученья,
Тревоги сердца моего!
Считая каждое мгновенье,
Ждала я худшаго всего;
Но ты, какъ свѣтлое видѣнье,
Явился жизнь въ меня вдохнуть
И еще разъ ко мнѣ на грудь
Прилечь усталой головою.

Д'АРКУРЪ.

Я чувствовалъ, что этотъ путь
Грозитъ бѣдой, и роковою.

ПОЛИНА.

Нѣтъ, благодарна я судьбѣ.
Я все, я все нашла въ тебѣ
И счастье было безгранично.

Д'АРКУРЪ.

Но ты къ лишеньямъ не привычна,
Не приготовлена къ борьбѣ.

ПОЛИНА.

Всѣ эти муки такъ ничтожны,
Когда душа тобой полна.
За каждый шагъ неосторожный
Безъ мѣры я награждена.
Томимыя сердечной жаждой
Ты освѣжилъ мои уста,
Мнѣ безъ тебя земля пуста,
Жаль безъ тебя минуты каждой!....

САВЭНЪ [вглядываясь].

Не казаки ли у моста?

ПОЛИНА.

Жозефъ, спасайся! Врагъ ужасенъ.
Иль брось оружіе: со мной
Ты будешь больше безопасенъ,
Я всетаки въ странѣ родной.

Д'АРКУРЪ.

Для дезертира нѣтъ прощенья
И, если я отдамся имъ,
Мы наше имя осрамимъ.

[Казаки показываются за опушкой лѣса].

ПОЛИНА.

Рѣшайся, дороги мгновенья
И жизнь твоя мнѣ дорога.
Бѣги! спасенье въ каждомъ шагѣ
И, съ приближеніемъ врага,
Въ пылу воинственной отваги
Не жертвуй попусту собой.

Д'АРКУРЪ [обнимая ее и поручая Савэну и Михею].

Прости, Полина, долгъ присяги
Меня зоветъ на смертный бой.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, **Фигнеръ** съ отрядомъ казаковъ.

[Гр. д'Аркуръ, выступая, подымаетъ пистолетъ, спускаетъ курокъ. Осѣчка. Бросаетъ пистолетъ, хватаясь за саблю].

ФИГНЕРЪ [пристально всматриваясь и узнавъ Михея].

Вы—графъ д'Аркуръ,—я это вижу.
Сдавайтесь, слушайте меня.

Д'АРКУРЪ.

Нѣтъ, доблесть арміи храня,
Себя я этимъ не унижу.

ФИГНЕРЪ [удержавъ знакомъ казаковъ, которые уже прицѣлились въ графа д'Аркура].

Такъ защищайтеся, бѣглецъ,
Чтобъ не ловить васъ по Парижу!...

ПОЛИНА [удерживаемая въ дверяхъ часовни].

О, Боже мой, всему конецъ!

[Падаетъ на руки поддерживающихъ. Графъ д'Аркуръ и Фигнеръ дерутся на саблях. Фигнеръ двумя ударами, однимъ по плечу, другимъ въ сердце, сваливаетъ графа д'Аркура. Къ нему подбѣгаютъ казаки].

ФИГНЕРЪ.

Впередъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ **Фигнера** и казаковъ.

ПОЛИНА [очнувшись и вырываясь].

Къ нему! Терпѣть нѣтъ силы!
Я пробудить его должна.

[Наклоняясь надъ тѣломъ графа д'Аркура].

Но ты не дышешь, другъ мой милый?
О, какъ зловѣща тишина!
Чтожъ это? Смерть?

САВЭНЪ [наклоняясь къ графу д'Аркуру].

Для всѣхъ одна!

ПОЛИНА.

Кто жъ это сдѣлалъ? Вотъ злодѣи!
Вотъ хладнокровье палача!

САВЭНЪ.

Рука героя, холодѣя,
Сдавила рукоять меча...

МИХЕЙ [кротко къ Полинѣ].

Не убивайтеся напрасно,
Такъ, видно, Богомъ суждено.

Вернуться бы въ Тобурлино,
Тамъ хорошо и безопасно?

[Савэнъ съ Михеемъ подвигаютъ тѣло графа д'Аркура къ часовнѣ. Полина снова опускается на ступени. Казаки-партизаны занимаютъ опушку лѣса. Входитъ Сеславинъ въ буркѣ, за нимъ казачій офицеръ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Сеславинъ,** офицеръ и казаки.

СЕСЛАВИНЪ.

Убрать отсюда ихъ скорѣй!
Биваки наши такъ унылы
Отъ этихъ стонущихъ людей.
Уже подходятъ наши силы....

[Казаки убираютъ тѣло графа д'Аркура и оттаскиваютъ безоружныхъ].

МИХЕЙ [узнавъ Сеславина и робко приближаясь].

Вѣдь это я, сударь, Михей.

СЕСЛАВИНЪ.

Ты здѣсь зачѣмъ?

[Глядя на его шинель].

Что это значитъ?

МИХЕЙ.

Кого, сударь, не озадачитъ?
За кучера съ графинюшкой.

СЕСЛАВИНЪ.

Съ какой?

МИХЕЙ.

Да съ нашею, Тобурлиной.
Сломались дрожки; голодъ, стужа,
Сейчасъ у нихъ убили мужа,
Не знаемъ какъ вернуть домой.

СЕСЛАВИНЪ.

Сюда попали вы давно ли?

МИХЕЙ.

Все приключилось съ часъ, не болѣ.
Впередъ рванулись, гдѣ обозъ,
А онъ отрѣзанъ. Тамъ морозъ,
А тутъ — иди на встрѣчу пулямъ,
Какъ могъ, сюда ее донесъ.
Вотъ, съ офицеромъ караулимъ,
Да не унять горючихъ слезъ.

СЕСЛАВИНЪ [офицеру].

Сдадите плѣнныхъ подъ росписки,
Кто только въ силахъ. Наши близки.

Къ большой дорогѣ, вдоль березъ
Сейчасъ поставить два пикета:
Мы здѣсь пробудемъ до разсвѣта.

[Къ Михею].

Гдѣ жъ этотъ вѣрный офицеръ?

МІХЕЙ [подводя Савэна].

Вотъ, сударь, онъ и на свободѣ
Всѣмъ подавалъ благой примѣръ,
Не то что какъ у нихъ въ народѣ.

СЕСЛАВІНЪ.

Кто вы?

САВЭНЪ [отдавая честь].

Я — капитанъ Савэнъ,
Сдаюся нынѣ русскимъ въ плѣнъ.
Здѣсь ваша знатная графиня.
Я вѣрнымъ былъ ея слугой
И другомъ мужа. Утромъ нынѣ
Еще мы вмѣстѣ шли на бой.
Онъ — мертвъ, а я полуживой.

СЕСЛАВИНЪ.

Вы, капитанъ, останьтесь съ нами
И обогрѣйтесь до утра,

Мы васъ утѣшимъ не словами,
А доброй чаркой у костра.

[Видя слѣзающаго съ коня Ижорскаго].

Сюда, Ижорскій, на два слова.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, **Ижорскій, Василій.**

ИЖОРСКІЙ.

Сейчасъ.

[Оглядываясь].

У васъ ужъ все готово?

[Объясняются, отойдя въ глубину].

САВЭНЪ.

Спасибо, дорогой Михей,
Тебѣ лишь одному обязанъ,
Что я казаками не связанъ
И не разстрѣлянъ, какъ злодѣй.

ИЖОРСКІЙ [хватаясь за голову].

О, какъ жестоко онъ наказанъ!
Не можетъ быть? Но гдѣ жъ она?

СЕСЛАВИНЪ.

Вотъ, недвижима и блѣдна,
А это другъ его съ Михеемъ:
Мы подступиться не умѣемъ.

ИЖОГСКІЙ [увидѣвъ Полину].

Я такъ оставить не могу.

СЕСЛАВИНЪ [взявъ его за руку].

Ты развѣ у нея въ долгу?

ИЖОРСКІЙ [освобождаясь].

Безъ помощи, безъ утѣшенья,
Здѣсь, одинока, на снѣгу.
Все сдѣлать для ея спасенья!

МИХЕЙ [выдвигаясь].

Куда хотите побѣгу.

ИЖОРСКІЙ.

Постой, скажи скорѣй, что можно?

МИХЕЙ.

Да подойдите осторожно:
Вѣдь, вы же не чужіе имъ?

ИЖОРСКІЙ [близъ Полины].

Дозволь упасть къ ногамъ твоимъ
И предложить все, чѣмъ богаты.

ПОЛИНА [не поворачивая головы].

Что нужно вамъ? Подите прочь!

ИЖОРСКІЙ.

Передъ собой ты видишь брата
Готоваго во всемъ помочь.

ПОЛИНА.

Чей голосъ? Слышала когда-то...

ИЖОРСКІЙ.

Конечно, съ самыхъ дѣтскихъ дней.

ПОЛИНА [вздрагивая и открывая глаза].

Я не могу просить прощенья,
Вели убить меня скорѣй,
Чѣмъ выносить твое презрѣнье...

ИЖОРСКІЙ.

Здѣсь все друзья, и до зари
Вполнѣ ты будешь безопасна.

ПОЛИНА.

Владиміръ, все теперь напрасно.

ИЖОРСКІЙ.

Полина! Нѣтъ, не говори!
Сеславинъ съ нами. Гдѣ же дядя?
Зовите Князя.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и **Князь.**

КНЯЗЬ [слѣзая съ коня весь въ снѣгу].

Наконецъ!
Въ хорошемъ нынче я нарядѣ.
Достать скорѣе погребецъ,
Съ полденъ ужъ я съ пустою фляжкой.
Въ мои года довольно тяжко
День цѣлый не слѣзать съ коня.

СЕСЛАВИНЪ.

Князь, васъ зовутъ.

КНЯЗЬ [добродушно].

Зовутъ меня?
Минутки не пробыть въ покоѣ.
Чего вы тутъ?

[Увидавъ сцену].

Что вижу я?...

[Складывая руки].

Голубка милая моя,
Вотъ положеніе какое!
Одна среди полуживыхъ.

[Обнимаетъ ее].

ПОЛИНА.

О, дядя, позабудь что было.
Ты видишь: огорчивъ родныхъ,
Я умираю всѣмъ постылой...

КНЯЗЬ.

Да развѣ русскій человѣкъ
Худое помнитъ цѣлый вѣкъ?!
Дитя любимое! Тебѣ ли,
Возросшей въ нѣгѣ, безъ заботъ,
Переносить такой походъ?
Смотри, ужъ ручки посинѣли.
Скорѣе разводить костеръ!
Подайте бурку иль коверъ,
Зовите Бухе, если можно,
Съ его аптечкою дорожной.

[Полину бережно укладываютъ на бурку и экипажныя подушки].

ПОЛИНА.

Гдѣ мама?

КНЯЗЬ.

Видишь ли, когда
У васъ случилась тамъ бѣда,
Покончивъ розыски съ прислугой,
Она въ имѣнье подъ Калугой
Уѣхала не весела...

ПОЛИНА.

Она жива?

КНЯЗЬ.

Да вѣроятно.
Когда поѣдешь ты обратно,
Узнаешь все.

ПОЛИНА [тихо].

Я поняла
Мы скоро свидимся, конечно...

КНЯЗЬ.

Не безпокойся, другъ сердечный.

СЕСЛАВИНЪ [казакамъ].

Эй, вы, подальше отъ котла,
А то какъ саранча съ разбѣгу.

ПОЛИНА.

Въ груди такъ жарко. Дайте снѣгу.
[Приподымаясь, глотаетъ снѣгъ].
Я такъ давно не знаю сна...
[Къ Князю].
Ты, бѣдный дядя? Въ этотъ холодъ?

КНЯЗЬ.

Конечно, я уже не молодъ,
Да дѣлать нечего, война,
Хоть въ партизанахъ вмѣсто строю...

ПОЛИНА [прислушиваясь].

Что тамъ?

КНЯЗЬ.

Да все еще пальба
И перестрѣлка подъ горою.

ПОЛИНА [Ижорскому].

Къ тебѣ послѣдняя мольба:
Когда на вѣкъ глаза закрою,
Женись на Оленькѣ: она
Въ тебя давно ужъ влюблена.

КНЯЗЬ.

Полинушка, да что съ тобою?
Теперь онъ слишкомъ потрясенъ.

СЕСЛАВИНЪ [въ сторону].

А проще, сильно былъ влюбленъ,—
Влюбленные страдаютъ слѣпотою.

ПОЛИНА.

Еще. Мнѣ стыдно?..

КНЯЗЬ.

Говори.

ПОЛИНА.

Остался у него сиротка,
Теперь малюткѣ года три.

КНЯЗЬ.

Все сдѣлаю, нашъ ангелъ кроткій!

ПОЛИНА [къ Ижорскому].

Вамъ предстоитъ далекій путь
И много горя и мученій.
Прости меня и позабудь.
[Слабѣетъ].

КНЯЗЬ.

Въ ней прежней гордости ни тѣни.
[Плачетъ].

[За сценой слышны радостные возгласы войска. Военная музыка играетъ Петровскій маршъ].

ПОЛИНА [въ полубреду].

О, какъ сдавило снова грудь,
Уйти скорѣй куда-нибудь...
Жозефъ, Жозефъ! Скажи хоть слово!
Какъ хорошо, какъ сладко мнѣ
Съ тобой опять въ Тобурлинѣ,
Въ тѣни родительскаго крова!
Раскрыты окна, садъ душистъ,
А воздухъ такъ прозрачно чистъ

И въ зелени распѣлись птицы,
Кругомъ все радостныя лица...
Меня готовятъ подъ вѣнецъ,
Накрыли голову вуалемъ;
Но не могу найти колецъ
Вѣнчальныхъ... Скоро ли конецъ
Всѣмъ этимъ мукамъ и печалямъ?
Зачѣмъ ихъ Оля унесла,
Въ саду зарыла такъ глубоко?
Жизнь безъ того не весела,
А вы терзаете жестоко..
Какая злость, какая спѣсь!
Всѣ близкіе мои убиты...
Я не найду нигдѣ защиты...

[Приподымаясь].

Владиміръ, для чего ты здѣсь?

[Дѣлая судорожное движеніе, умираетъ].

ИЖОРСКІЙ.

Все кончено.

МИХЕЙ.

Господь сподобилъ,—
Избавилъ отъ земныхъ скорбей...

КНЯЗЬ [накрывая лицо платкомъ].

Закрыть ей глазки поскорѣй.

СЕСЛАВИНЪ.

Вотъ гдѣ послѣдній часъ ей пробилъ!

[Восторженные клики войска все приближаются].

ИЖОРСКІЙ [обнимая Князя].

О, дядя, Богъ ему судья!
Вѣрь, для спасенія Полины
Охотно жизнь бы отдалъ я.
Вѣдь, такъ ничтожна скорбь моя
Предъ ужасомъ ея кончины!

КНЯЗЬ [утѣшая].

Повѣрь, все къ лучшему. Когда бъ
Ты разсуждать могъ хладнокровнѣй...

КАЗАЧІЙ ОФИЦЕРЪ [Сеславину].

Всѣ приближаются къ часовнѣ,
Свѣтлѣйшій князь и главный штабъ.

[Всѣ готовятся къ встрѣчѣ. Казаки относятъ за часовню тѣло Полины, затѣмъ выстраиваются. Князь Кутузовъ появляется на бѣломъ конѣ, сопровождаемый Коновницынымъ, Толемъ, свитой и восторженно бѣгущими гвардейцами. Кирасиры несутъ за нимъ отбитые французскіе орлы].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, **Князь Кутузовъ,** свита, войска,

КУТУЗОВЪ [сойдя съ коня и окруженный генералами, свитой и войсками].

Господь намъ даровалъ преславныя побѣды;
Отечество свободно отъ враговъ,
Все та же Русь, какой отцы и дѣды
Ее сковали въ длинный рядъ вѣковъ...
Соратники, товарищи лихіе,
Всѣхъ васъ, вождей, благодарю,
Что послужили вы Царю
И нашей матушкѣ, Россіи!

[Громкіе ура].

Велико наше торжество!
Три дня мы бились, бой былъ жаркій,—
Спасибо, дѣти, за подарки.
Сто двадцать пушекъ! каково?
Пятнадцать генераловъ плѣнныхъ,
У насъ ихъ не возьмешь, небось?
Не перечесть трофей военныхъ,
Вѣдь десять тысячъ ихъ сдалось
Со всѣмъ оружіемъ, съ орлами.
И вотъ, они теперь предъ нами,
Хоть и прострѣлены насквозь.
Да наклоните ихъ пониже
Къ ногамъ моихъ богатырей,

Воздайте должное! Они же
Ихъ кровью добыли своей.

[Наклоняютъ знамена. Восторгъ войска растетъ].

Досталось нынче авангарду:
Нашъ Милорадовичъ налегъ
И сдѣлалъ все, что только могъ,
Спасибо русскому Баярду!
Онъ тоже плѣнныхъ шлетъ ко мнѣ.
Да намъ ихъ вовсе брать не надо,
Пускай бѣгутъ къ Березинѣ...
Врагъ обезсиленъ, и вполнѣ.
Пусть это будетъ намъ наградой,
Которая превыше всѣхъ.
Не даромъ Богъ послалъ успѣхъ,
Когда и ратники простые
Дрались, какъ усачи сѣдые...
Ужъ коли правду говорить,
Такъ если всѣхъ осыпать разомъ
И жемчугами, и алмазомъ,
Нельзя довольно наградить...
Мы здѣсь не предавались нѣгамъ;
Въ грязи, по стужѣ, по дождю,
Дрались, томились, шли подъ снѣгомъ...

ВОЙСКО.

Ура, россійскому вождю!

КУТУЗОВЪ.

Нѣтъ, други, нашему ли брату
Предъ вами величаться зря
Побѣдой? Именемъ Царя,
Спасибо русскому солдату!

[Восторженные клики] *).

[Усаживается на складень, поданый казачкомъ].

Да не въ богатствѣ, не въ крестахъ,
А въ чистой совѣсти, въ дѣлахъ
Господь даруетъ воздаянье.
Живетъ во мнѣ воспоминанье,—
И самъ не знаю почему,
Но близко сердцу моему
Оно особенно сегодня:
Когда, по благости Господней,
Палъ передъ нами Измаилъ
И я Георгія святого
На грудь за подвигъ получилъ,
Казалось, не было другого
Кто бъ выше голову носилъ.
Явясь по скорости въ столицу
Благодарить за все Царицу
Въ надеждѣ новыхъ славныхъ дѣлъ,
Я-ль не считалъ себя героемъ?
Когда жъ, предъ всѣми гордъ и смѣлъ,

*) Все послѣдующее, при постановкѣ на сценѣ, можетъ быть выпущено.

Приблизился къ ея покоямъ
И дивный ликъ ея узрѣлъ,
Вдругъ измѣнилась вся картина:
Я плакалъ предъ Екатериной,
Не разумѣлъ ея рѣчей
И только помню взоръ единый
Небесно-голубыхъ очей;
Но въ блескѣ царственнаго взгляда
Была мнѣ высшая награда...

ВОЙСКО.

Свѣтлѣйшему хвала и честь!

КУТУЗОВЪ [привставъ].

Спасибо! Время павшихъ счесть!

[Появляется походный столъ, генералы усаживаются вокругъ на чемъ попало. Къ часовнѣ несутъ самоваръ. Кирасиры наклоняютъ надъ Кутузовымъ знамена въ видѣ шатра].

Вамъ отдыхъ нуженъ за побѣдой
И душу всѣмъ пора отвесть
За тихой дружеской бесѣдой.

[Къ Толю].

Садись ко мнѣ поближе, Толь,
Расцѣловать себя дозволь.

[Обнимаетъ наклонившагося къ нему Толя].

Ты плачешь? Полно, братецъ, что ты?
Я-ль не видалъ твоей заботы
И тѣхъ томительныхъ ночей,

Когда ты не смыкалъ очей?
А бодрый духъ, въ бою горячемъ
Все помнящій до мелочей?
Пожалуй, съ радости поплачемъ,
Что врагъ успѣшно отраженъ...
А, вѣдь, давно ль предъ нами онъ
Стоялъ, какъ дубъ передъ тростинкой?
Да кстати, славный нашъ Крыловъ
Порадовалъ меня новинкой,
Да было намъ не до стиховъ.

[Шутя].

Сравнивши Бонапарта съ волкомъ,
Его въ овчарню засадилъ,
Меня же онъ изобразилъ
Престарымъ ловчимъ... Малый съ толкомъ!

[Снимая фуражку и показывая на свою голову].

И впрямь я, братцы, старъ и сѣдъ.

ГЕНЕРАЛЫ И ВОЙСКО.

Ура, ура вождю побѣдъ!

[Восторгъ неописуемый, всѣ вскакиваютъ, машутъ киверами и шапками].

ЗАНАВѢСЪ.

*